

О Б З О Р ПОЛЬСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Журнал посвященный информированию
заграницы о состоянии и развитии права
в возрожденной Польше.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

- Декрет об охране государственной и служебной тайны
- Свобода совести и вероисповедания
- Источники права и законодательства в Польше
- О взаимном правовом обороте по гражданским и уголовным делам
Польши и Чехословакии
- Институт нотариальной части в Польше
- Охрана товарных образцов и знаков в Польше
- Основные принципы охраны товарных знаков в Польше
- Изменения в законах о кооперации
- О перемене и установлении имен и фамилий
- Задачи Польской Палаты Внешней Торговли
- Выплаты иностранцам, работающим в Польше

0993

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ — БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Варшава, ул. ген. Кароля Сверчевского 53/55

Адрес Редакции:

Łódź, ul. Piotrkowska 107.

Телефон: 114-82

Zakł. Graf. RSW „Prasa“, W-wa, Smolna 10. Zam. 547 B-107668

ДЕКРЕТ ОБ ОХРАНЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ТАЙНЫ *)

12 ноября 1949 года вступил в действие декрет от 26 октября 1949 года об охране государственной и служебной тайны (Журн. Зак. П. Р. № 55, гл. 437).

До издания этого декрета охрана тайны содержалась в ст. 289 Уголовного Кодекса и в ст. 159 и 160 Уголовного Кодекса Польского Войска. Эти статьи теперь отменены. Частично охрана тайны содержится и в ст. 90 Уголовного Кодекса Польского Войска.

Анализ ст. 289 Угол. Кодекса показывает, что она сильно ограничивает вопрос об охране тайны. Во-первых, ограничен круг лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности по этой статье. Инкриминируемое ст. 289 преступление могло совершить только должностное лицо. Не подлежит сомнению, что оставался безнаказанным целый ряд случаев разглашения тайны лицами, не занимавшими должностных постов. Случаи же подобного рода бывают и могут быть весьма часто (например, тайну разглашает жена должностного лица). Во-вторых, ст. 289 Уг. Код. формулировала типичное материальное преступление. Условием ответственности было причинение или по крайней мере возможность причинения ущерба государству в связи с разглашением тайны. Следовательно, нужно было доказать в каждом конкретном случае наличие или возможность наличия ущерба, ибо в противном случае разглашение тайны было ненаказуемо. В-третьих, само понятие должностной тайны имеет сравнительно узкий объем, недостаточный в нынешних условиях.

Что касается ст. 159 и 160 Уголовного Кодекса Польского Войска, то они, конечно, недостаточны вследствие того, что относятся исключительно к военным лицам. Хотя ст. 90 того же Кодекса и ставит вопрос в общем порядке („Кто”), но из содержания ее следует, что собрание и передача составляющих тайну сведений представляют, собственно говоря, специфический вид измены стране или

шпионажа. Таким образом, к другим случаям разглашения тайны эта статья не применяется.

Итак, мы приходим к выводу, что действовавшая до сих пор уголовная охрана государственной и служебной тайны была недостаточна.

Конечно, не случайно то обстоятельство, что декрет об охране государственной и служебной тайны является одним из немногих польских законодательных актов, который, подобно законодательству советскому, содержит вступление, обосновывающее необходимость и цель его издания. В декрете ясно сказано, что он издан „с целью предотвращения разглашения сведений, которые для блага народно-демократической Польши надлежит сохранить в тайне, проникновения этих сведений во враждебные народно-демократической Польше центры, использования этих сведений во вред народно-демократической Польше”.

Ответ на вопрос, почему осуществление этих целей стало насущной потребностью, дал доклад Президента Берута на 3-ем Пленуме Центрального Комитета Польской Объединенной Рабочей Партии.

Как известно, этот доклад Президента был посвящен вопросу о бдительности. Бдительность надлежит понимать не как ряд тех или иных обособленных актов, не как временную кампанию, а как политическую проблему кардинального значения. Постановка вопроса о бдительности, как первостепенного политического вопроса, как постоянного долга каждого честного гражданина Народной Польши и тем более каждого члена Польской Объединенной Рабочей Партии, связана с коренными переменами, происходящими на международной арене.

...Несомненно, ошибочным было бы мнение, что рассматриваемый нами декрет направлен исключительно против шпионов и диверсантов. Существуют ведь другие законы народно-демократической Польши, которые против них направлены. Поэтому сразу же следует подчеркнуть, что в основном декрет направлен против тех, кто своим поведением делают возможной враждебную и вредную

*) Этой теме посвящена большая статья тов. прокурора Апелляционного Суда Густава Ауцалера, помещенная в „Демократическом Юридическом Обозрении” (№ 1 за 1950 г.). Приводим эту статью в пространных дословных выдержках.

деятельность шпионов и диверсантов. Вполне понятно, что шпион, провокатор, диверсант могут успешно действовать лишь в том случае, если имеют возможность получить нужные им сведения в той среде, в которой они врачаются. В этой именно плоскости и следует понимать постановления декрета, как направленные против всех тех, кто облегчают опасную для интересов народно-демократической Польши деятельность ее врагов. Столь широкая интерпретация субъективной стороны декрета, охвата ею лиц, подлежащих преследованию по этому декрету, по необходимости должна отразиться и на объективной стороне, т. е. в вопросе объекта уголовной охраны. Таким образом, суждение об юридическом смысле декрета, об его политическом содержании приводит нас прямым путем к анализу объема этого основного понятия: государственной тайны. Если, как уже указано выше, надлежит широко понимать круг лиц, несущих ответственность по декрету, то вполне понятно, что весьма широк и объем сведений, которыми располагают эти лица и которые представляют тайну. Ст. 1 декрета определяет государственную тайну, как „всякие сведения, документы и другие предметы, которые по соображениям обороны, безопасности и важных экономических или политических интересов польского государства могут быть доверены исключительно уполномоченным на это лицам”. Здесь обращает на себя внимание выдвигание экономических мотивов государственной тайны наравне с соображениями обороноспособности и безопасности государства. Это и понятно, если примем во внимание, что экономические вопросы играют неслыханно важную роль во всей совокупности нашей жизни.

...Не подлежит сомнению, что одной из форм атаки против дальнейшего развития и процветания народно-демократической Польши является перехват сведений, разглашение которых, особенно во враждебных нам кругах, может нанести нам серьезный ущерб. Что такая опасность вполне реальна, свидетельствуют об этом слова Президента из доклада на Третьем Пленуме ЦК Польской Об'единенной Рабочей Партии: „Ряд наших учреждений не применяет никаких мер, которые обеспечили бы важные с точки зрения государственных интересов данные и сведения от перехвата агентами иностранной разведки, шпионами, подосланными в нашу страну американскими, английскими и другими империалистами. Это вызывает частые случаи, что в руки шпионов попадают важные и тайные сведения об объеме и направлении производства, об объеме, направлении и размещении капиталовложений, о технических производственных методах и новых изобретениях, о политике цен, о финансовом, валютном и эмиссионном положении, о ввозе

и вывозе; эти сведения используются во вред государственным интересам для того, чтобы помешать реализации наших хозяйственных планов, задержать наше развитие и замедлить его темпы”.

Эта выдержка весьма ценна в связи с толкованием интересующего нас понятия „важных экономических или политических интересов государства”, каковые являются причиной, что сведения, документ или предмет составляют государственную тайну. Из перечисления Президента, конечно, далеко не полного, не охватывающего всех родов сведений, которые не следует разглашать, со всей четкостью явствует, сколь широко надлежит понимать содержание интересующего нас понятия...

Вполне понятно, что трудно перечислить все те сведения, документы и предметы, которые могут составлять государственную тайну. Ст. 1 п. 2 декрета устанавливает: „Совет Министров может в порядке постановления подробно определить объем сведений, документов и предметов, составляющих государственную тайну”.

Эвентуальное постановление Совета Министров может иметь только характер формальной констатации тех положений, которые и без того подпадают под диспозиции декрета. Конечно, такое постановление в значительной мере облегчит пользование соответствующие группы вопросов. Понятно также, что случаи, которые могут возбуждать сомнение, после перечисления их в постановлении сделаются несомненными. На необходимость достаточно широкой и эластичной интерпретации понятия государственной тайны указывает советский пример. Советский декрет об охране тайны от 9 июня 1947 года был дополнен изданным Советом Министров перечнем тех сведений, разглашение которых считается по этому декрету преступлением. В этом перечне перечисляются четыре основные группы этих сведений: военные сведения, экономические, иные (т. е. относящиеся к дипломатической и консульской службе, к администрации и т. д.) и сведения об открытиях и изобретениях. Повидимому, в таких же точно широких пределах должна и у нас проявляться интерпретация понятия государственной тайны.

Для рассмотрения первого раздела декрета необходимо выяснить еще понятие служебной тайны. Декрет считает (ст. 2) служебной тайной сведения, документы и другие предметы, которые по соображениям блага службы могут быть доверены исключительно уполномоченным на это лицам. Следовательно, разница между государственной тайной и тайной служебной основана на том, что в первом случае речь идет о важных экономических и политических государственных интересах

(не подлежит сомнению, что к числу таких интересов относятся обороноспособность и безопасность), а во втором случае — о благе службы. Можно ли сказать, что между этими двумя понятиями существует качественное различие? Кажется, нет. Различие здесь только количественное. В обоих случаях речь идет о государственных интересах, однако в случае служебной тайны эти интересы сравнительно менее важны. Не случайно, что ст. 15 декрета („Верховные государственные органы издадут постановление, обеспечивающее охрану государственной тайны”) ничего не говорит о служебной тайне. Раз субъектом преступления по ст. 10 декрета может быть только должностное лицо, то является излишним предоставление законом верховным органам полномочий на издание постановлений, обеспечивающих ее охрану. Совершенно иначе обстоит дело в случае государственной тайны. Здесь верховные органы каждого ведомства должны иметь полномочие со стороны закона, предоставленное им ст. 15 декрета, чтобы их распоряжения имели общеобязательный характер, следовательно, чтобы были обязательны и для недолжностных лиц. Таким образом, если, например, Министр Тяжелой Промышленности издаст внутреннее распоряжение о запрещении разглашения данных о количестве выплавляемой стали, то такое распоряжение, со ссылкой на ст. 15 декрета, будет иметь общеобязательное значение. Само собою разумеется, что, если эти данные будут опубликованы вышестоящими органами (например, в отчете Государственной Комиссии Хозяйственного Планирования), то они перестают быть тайной и подлежат разглашению.

Раздел 2-ой декрета содержит частные диспозиции. Анализируя их, приходим к выводу, что в основном существуют три формы совершения преступлений, а именно: раскрытие тайны, нарушение распоряжений власти, изданных с целью охраны тайны, и утрата должностным лицом документов. Эти три основных формы составляют содержание восьми статей декрета (от 3 до 10), которые касаются преступлений умышленных и неумышленных, квалифицированных и малозначительных. Столь интересная и, несомненно, удачная структура декрета делает его весьма четким и дает возможность определить вес отдельных преступлений не только со стороны санкций, но и по месту, занимаемому в известной системе.

Касаясь квалифицированных случаев, в первую очередь, следует обратить внимание на квалификацию с точки зрения объекта уголовной охраны. Все три основных формы совершения преступления считаются квалифицированными преступлениями, если они касаются государственной тайны в связи с обороноспособностью или безопасностью.

В этих случаях квалификация совершенно понятна как по объективным, так и по субъективным соображениям. Объективно — раскрытие тайны, связанной с обороноспособностью или безопасностью, особенно вредно, субъективно же — разглашающее ее лицо проявляет особенно сильное напряжение злой воли или же особенно высокую степень легкомысленности или небрежности в то время, когда оно обязано отдавать себе отчет в особом значении тайны, которую оно узнало или же которая была ему доверена.

Другой вид квалификации — это квалификация по субъекту преступления. В силу п. 2 ст. 3 и 4 более строгому наказанию за разглашение тайны подвергается должностное лицо, которому она была доверена в связи со службой, а по п. 4 ст. 5 и 6 и такое должностное лицо, которое в связи со службой нарушает распоряжения власти, изданные для охраны тайны. И в этом случае квалификация понятна. Должностное лицо должно быть особенно верным, и раскрытие им тайны увеличивает вредность деяния в двух направлениях. Во-первых, потому, что важнейшие тайны, как правило, находятся именно в руках должностных лиц, а во-вторых, вследствие особенно деморализующего значения нарушения предписаний или долга верности теми, кто особенно обязан этот долг соблюдать.

Что касается малозначительных случаев, то о них можно говорить в связи со ст. 9 и 10 (служебная тайна)... Как уже было указано, служебная тайна отличается количественно от государственной тайны и является тайной, затрагивающей менее важные интересы. Субъектом преступления по ст. 10 может быть исключительно должностное лицо.

Необходимо подчеркнуть, что по декрету караются все деяния, представляющие объективно сущность предусмотренных им преступлений, следовательно, и совершаемые неумышленно. Это относится ко всем без исключения преступлениям, предусмотренным декретом. Общественный вред этих деяний так велик, что законодатель требует особенного внимания и бдительности. Вполне естественно, что в столь важном вопросе, когда речь идет о реализации бдительности, должны караться и небрежность и легкомысленность. Наказуемость преступлений неумышленных вытекает непосредственно из декрета и из его предпосылок и конструкции. Конечно, эти преступления караются более мягко.

Переходим к детальному рассмотрению предусмотренных декретом трех форм совершения преступления.

Преступление, предусмотренное ст. 3, 4 и 9 декрета, будем называть сокращенно разглашением тайны, ибо декрет говорит пространно о собирании, хранении, передаче, раскры-

тии или разглашении; ясно, что закон имеет в виду недопущение до раскрытия в какой бы то ни было форме. Как видим, по декрету наказуемы наравне с раскрытием тайны также и подготовительные деяния: собирание и хранение не имеющими на это права лицами. Смысл закона понятен, так как деяния такого рода увеличивают опасность раскрытия. При наличии служебной тайны такие деяния не наказуемы (конечно, за исключением случаев, которые можно подвести под понятие попытки по ст. 23 Уголовного Кодекса). Это различие находится в полном соответствии с указанным выше отличием государственной тайны от тайны служебной. Понятно также, что согласно установкам самого декрета собирание и хранение сведений, документов и предметов, составляющих государственную тайну, должно считаться уже совершенным преступлением. Преступление разглашения тайны может быть совершено как действием, так и бездействием. Не подлежит ведь сомнению, что совершает это преступление тот, кто, например, не закроет шкафа, в котором хранятся тайные документы, если вследствие этого они были разглашены. Мало того, можно даже говорить о попытке к совершению преступления бездействием, если, например, эти документы не были разглашены, а шкаф не был закрыт с той целью, чтобы их обнаружить. Конечно, и это преступление считается совершенным независимо от того, перед кем тайна была обнаружена. Безразлично также, в какой форме тайна была обнаружена: устно, письменно, в печати, знаками и т. п.

Необходимо обратить внимание на разницу, отличающую ст. 3, 4 и 9 декрета от ст. 289 Уголовного Кодекса. Разница эта сводится к вопросу об ущербе. В противовес ст. 289 указанные статьи декрета вовсе не требуют наличия или возможности наличия ущерба... Несомненно, в существе этих постановлений лежит громадный ущерб, наносимый деяниями, предусмотренными ими. И потому понятие ущерба исчезает из этих постановлений.

Специальное внимание должно быть обращено на отношение указанного преступления к преступлению по ст. 7 малого уголовного кодекса. Разграничения между этими преступлениями следует искать в субъективной области, в сфере намерений виновника. В ст. 7 этого кодекса употреблены слова: „Кто, действуя в ущерб польскому государству”. Говоря иначе, преступление по ст. 7 малого уголовного кодекса может быть совершено только при наличии прямого или возможного намерения нанести ущерб польскому государству. Это намерение должно вылиться в факт действия в ущерб польскому государству. Виновник знает, что передача им сведений наносит ущерб государственным интересам, и хочет

этого результата или же соглашается на него.

Как уже было сказано выше, из всех диспозиций декрета об охране тайны вытекает, что он направлен в первую очередь против тех, кто своей деятельностью облегчают действия врагов народно-демократической Польши... Этот декрет не отменил ст. 7 малого уголовного кодекса. Разница же основана на том, что ущерб, нанесенный интересам народной Польши, по ст. 7 этого кодекса должен быть осознан виновником и исходить из его намерений, чего не требуется в случае преступления по декрету. И с этой точки зрения ясно, что не случайно понятие ущерба было устранено из диспозиций соответствующих статей декрета. Конечно, это вовсе не означает, что деяние, которое может считаться преступлением по декрету, в иных условиях не могло бы квалифицироваться, как преступление по ст. 7 означенного кодекса. Для этого необходимы желание нанести ущерб или согласие на это. При отсутствии этого момента мы имеем дело с преступлением по соответствующей статье декрета.

Понятно, что решение вопроса о том, имеется ли в данном конкретном случае преступление по ст. 7 кодекса или же по означенному декрету, входит в задачу органов отправления правосудия, к чему следует подойти со всей тщательностью. Весь вопрос сводится к определению характера преступного намерения. Конечно, общий рецепт здесь невозможен. Однако в виде примера можно привести некоторые сопутствующие обстоятельства, которые в большинстве случаев будут указывать на тот или иной род намерения, на тот или иной характер преступления. Так, например, в советской юриспруденции принято считать те случаи, в которых обнаружение тайны было платным, контрреволюционными преступлениями, следовательно, в нашем случае — преступными по ст. 7 кодекса. Ведь трудно себе представить, чтобы получающий вознаграждение за обнаружение тайны не отдавал себе отчета в том, для какой цели она должна служить, и потому, ясное дело, его намерение было направлено на нанесение ущерба интересам народного государства. Следовательно, в этом случае получение вознаграждения следует трактовать исключительно, как мотив преступления, а не как цель, на которую было направлено намерение виновника.

Разумеется, эта презумпция допускает и противные доказательства. Однако в большинстве случаев это обстоятельство, т. е. вознаграждение за деяние, указывает на преступление по ст. 7 малого уголовного кодекса. Итак, декрет оставляет в силе ст. 7 кодекса, которая и в дальнейшем, в случае надобности, должна применяться. Декрет дает лишь возможность уточнения некоторых по-

ложений, при которых по ст. 7 кодекса будут преследоваться преступления, имеющие все признаки прямой враждебности по отношению к народно - демократической Польше. И в отношении этих преступлений означенная статья и в дальнейшем должна быть использована со всей строгостью и в полном объеме.

Второй род предусмотренного декретом преступления — преступление по ст. 5, 6 и 10 — будем называть сокращенно нарушением распоряжений. Как уже сказано выше, эти постановления будут общеобязательными, когда речь идет о государственной тайне. Возникает вопрос, почему ст. 5, 6 и 10 говорят о постановлениях властей в то время, как ст. 15, содержащая полномочие по закону на издание этих постановлений, говорит о верховных органах. Повидимому, полномочие по закону было необходимо по указанным выше соображениям и предоставлено верховным органам. Последние же, в пределах своих нормальных правомочий, могут передоверить их подведомственным им органам. Поэтому преступлением будет нарушение постановлений этого рода любого органа власти, лишь бы только они были изданы в объеме их правомочий. Это последнее условие надлежит понимать только в таком смысле, что это постановление будет касаться вопросов, входящих в сферу деятельности данного учреждения. Поэтому, например, не будет считаться обязательным постановление о соблюдении консульской тайны, изданное Управлением Мер и Весов. Конечно, это случаи чисто экзотические и практически даже невозможно себе их представить. Приводим же здесь их только для того, чтобы рельефнее представить то требование, согласно которому постановление должно быть издано в пределах полномочий издавшего его органа. Совершенно ясно, что, если такое постановление будет издано данным органом в пределах его компетенции и даже вопреки согласию вышестоящего над ним органа, то оно будет обязательным и влечет за собою уголовную ответственность за нарушение его. Следовательно, являются обязательными постановления, изданные не только Министерством Общественной Администрации, но и воеводами, уездными старостами, гминными войтами и т. д. Так надлежит толковать ст. 5 и 6 декрета. Как сказано выше, ст. 10 носит несколько иной характер, так как субъектом преступления по этой статье может быть только должностное лицо. В рассматриваемых нами статьях характерны их пункты 2, предусматривающие квалифицированные случаи. Любопытно то обстоятельство, что эти квалифицированные случаи являются материальными преступлениями, в то время как в обыкновенных случаях мы имеем дело с формальным преступлением.

Любое нарушение постановлений властей относительно охраны тайны карается и в том случае, если не было, а даже и не могло быть никаких последствий, связанных с разглашением тайны. Этим моментом законодатель подчеркивает чрезвычайное значение вопроса и указывает, что, если даже в конкретном случае и не произошло никакого ущерба, либо он и не мог произойти, то и без этого мы имеем дело с преступлением, вследствие деморализующего характера этого рода деяния, которое, являясь дурным примером, может нанести в других случаях громадный ущерб. Разумеется, что, если этот ущерб уже произошел или же был возможным, уголовная санкция будет соответственно более строгой.

...Третьим типом преступления по декрету является допущение до утраты доверенных документов или предметов, составляющих тайну. В дальнейшем мы будем говорить сокращенно об утрате. Прежде всего, здесь следует отметить, что понятие утраты отнюдь не равнозначуще затерянности. Затерянность является частным случаем утраты. Допущением до утраты может быть также допущение до кражи и т. п. Однако нужно подчеркнуть, что, например, уничтожение документа самим должностным лицом, которому он был доверен, не может повлечь за собой ответственности по ст. 7 и 3 декрета, так как они содержат условие, согласно которому утрата вызвала или могла вызвать разглашение тайны, что, конечно, невозможно в приведенном случае уничтожения документа. Разумеется, виновник в этом случае не останется безнаказанным: он будет отвечать по другим статьям закона (напр. по ст. 286 Угол. Кодекса). Указанные статьи были построены совершенно сознательно. Законодатель желал таким образом подчеркнуть, что этот декрет направлен исключительно против деяний, которые прямо или косвенно могут вызвать разглашение тайны. Таким образом, предусмотренное декретом фактическое положение точно соответствует указанным во вступлении к декрету целям. Этим путем подчеркивается политическое значение вопроса об охране тайны, о предотвращении проникновения ее во враждебные народно - демократической Польше центры.

Субъектом этого преступления может быть исключительно должностное лицо в отношении доверенных ему документов или предметов. Это и понятно, так как государственная тайна может находиться единственно в руках должностного лица (в понимании декрета, т. е. в более широком объеме, чем по ст. 292 Уголов. Кодекса и по ст. 46 Малого Угол. Код.). Недолжностное лицо, в руках которого обнаружится такая тайна, может отвечать по ст. 3 или 4 за собирание или хранение.

Ст. 12 декрета значительно расширяет круг лиц, подлежащих уголовной ответственности,

предусмотренной означенным декретом для должностных лиц. Кроме поименованных в ст. 292 Уголовного Кодекса и ст. 46 Малого Угол. Кодекса лиц, подвергаются этой ответственности также члены коллегияльных органов публично-правового характера, члены рад народных, а также служащие и члены коллегияльных органов профессиональных союзов, общественных и политических организаций. Столь значительное расширение круга лиц, отвечающих наравне с должностными лицами, объясняется стремлением законодателя охватить повышенной ответственностью всех тех, в чьих руках могут очутиться государственные и служебные тайны. В то же время это постановление декрета является показателем коренных революционных перемен, происшедших в государстве. Оно свидетельствует о том, сколь широк охват лиц, до которых доходят составляющие государственную тайну вопросы и сколь многочисленны те слои, которые решают об этой тайне. Говоря иначе, это свидетельствует о том, что самые широкие массы принимают

участие в управлении государством. Это постановление является доказательством того, что наш государственный аппарат — аппарат громадного большинства народа, что в нашем государстве решают об его судьбах широчайшие слои трудящихся масс.

Предусмотренные декретом санкции довольно строги. Это однако не должно удивлять. Учтывая те цели и задачи, для которых был издан декрет, принимая во внимание чрезвычайно важное значение проблемы бдительности, понимая громадный ущерб, нанесенный народно-демократической Польше разглашением тайны, следует признать вполне справедливыми те сравнительно высокие наказания, которые предусмотрены статьями декрета. Декрет этот носит эластичный характер. Не говоря уже о довольно широкой скале наказаний, предусмотренных для каждого преступления, он в ст. 11 предоставляет суду право признать данный случай малозначительным преступлением и в связи с этим применить чрезвычайное смягчение наказания...

СВОБОДА СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

В Журнале Законов Польской Республики № 45, гл. 334 от 6 августа 1949 г. опубликован принятый 5-го августа того же года декрет об охране свободы совести и вероисповедания.

Основной принцип этого декрета, выраженный в его передовой статье 1-ой, гласит:

„Польская Республика гарантирует всем гражданам свободу совести и вероисповедания”.

В устройстве народной демократии свобода совести и вероисповедания составляет основное право гражданина.

Подтверждением тому является Декларация прав и свобод гражданских, принятая Сеймом 22-го февраля 1947 г., которая гласит:

„Законодательный Сейм в качестве органа верховной власти Польского Народа торжественно объявляет, что . . . он будет продолжать реализацию прав и свобод гражданских, как-то: . . . е) свобода совести и свобода вероисповедания”.

Декрет о свободе совести и вероисповедания и представляет собою, именно, осуществление одного из принципов, торжественно провозглашенных в Декларации прав и свобод гражданских.

Тем не менее, одно лишь ручательство за свободу совести и вероисповедания само по себе еще недостаточно. Дабы свобода эта в Государстве действительно существовала,

должны быть созданы реальные гарантии, принуждающие относиться к этой свободе с уважением под страхом наказания за совершение поступков, нарушающих эту свободу.

Ввиду этого декрет не ограничивается одним лишь заявлением, что польское государство ручается за предоставление гражданину свободы совести и вероисповедания, но и устанавливает он вместе с тем строгие уголовные санкции за всякого рода покушения на эту свободу.

Свобода совести и вероисповедания означает с одной стороны то, что никто не может быть против своей воли принужден к участию в религиозных обрядах, а с другой — то, что равным образом никто не может быть принужден против своей воли к отречению от участия в этих обрядах.

Поэтому подлежит в силу декрета ответственности, влекущей за собою наказание тюремным заключением до 5 лет, всякий, „кто каким бы то ни было образом принуждает другого к участию в религиозных действиях или обрядах, или же его от этого участия незаконным образом удерживает” (ст. 3).

Это — основная гарантия, однако еще не полная. Требуется, сверх того, обеспечение, что религиозные чувства каждого гражданина будут уважаемы, что по поводу его верований или же безверия не рискует он под-

вергнуться каким - либо отрицательным для него последствиям, что не будут поэтому ни нарушены его честь или телесная неприкосновенность, ни ограничены в чем - либо его права.

В связи с этим ст. 5-ая декрета гласит:

„Кто оскорбляет религиозные чувства, публично профанируя предмет религиозного культа или место, предназначенное для исполнения религиозных обрядов, тот подлежит наказанию тюремным заключением на срок до 5 лет”.

С целью охраны гражданина от посягательств на его честь и телесную неприкосновенность, декрет в ст. 7 § 1 и 2 устанавливает следующее правило: „всякий, кто публично обижает, осмеивает или унижает группу населения, как равно и отдельную личность, по поводу принадлежности к вероисповеданию, религиозных убеждений или же безверия, подвергается тюремному заключению до 5 лет или аресту”.

Тому же наказанию подлежит и тот, кто нарушает телесную неприкосновенность человека из - за его вероисповедания, религиозных убеждений или же безверия.

Таким образом, здесь налицо квалифицированный вид оскорбления действием и словом, которое в обычной своей форме, то-есть, когда оно не вызвано вероисповедными причинами, влечет за собою по польскому закону всего лишь тюремное заключение до одного года (ст. 256 Уг. Улож.).

Однако же могут быть совершаемы на религиозной почве и другие преступления.

Декрет обостряет наказание за преступления этого рода, устанавливая в §§ 3 и 4 той же статьи 7-ой следующее:

„Виновный в совершении другого преступного деяния, направленного против группы населения или отдельной личности по поводу вероисповедания, религиозных убеждений или же безверия, подвергается тюремному заключению”.

Если же последствием обозначенного в § 3 деяния были смерть или тяжкое телесное повреждение, или же нарушение нормально-го течения общественной жизни, или угроза общественной безопасности, — виновный карается тюремным заключением на срок не менее трех лет и выше, или пожизненно, или же смертной казнью.

Преступления на религиозной почве обычно не выступают как самостоятельное явление. Предшествует им в виде общего правила пропагандная и агитационная деятельность, стремящаяся посеять ненависть между группами населения, приверженцами различных религий.

Борьба с преступлениями, совершенными на почве религиозного фанатизма, несвоевременна, а потому и гарантирование свобо-

ды совести и вероисповедания недостаточно, поскольку преследуются деяния, уже нарушившие эту свободу.

Тут необходимо противодействие самим причинам этих деяний и подавление в зародыше всякой деятельности, направленной к созданию настроений, при которых легко рождаются такие деяния.

Ввиду этого декрет преследует не только самые насильственные деяния, но и грозит равным образом карательной санкцией за деятельность, побуждающую к таковым.

„Тот, кто гласно призывает к вражде на религиозной почве”, говорит ст. 6-ая декрета, „карается тюремным заключением на срок до 5 лет”.

Сопоставление этих предписаний красноречиво доказывает, что охрана свободы совести и вероисповедания понимаема декретом в самом широком смысле.

Охраняя одновременно свободу равно совести, как и вероисповедания, Государство не может допустить злоупотребления свободой вероисповедания для целей, противоречащих свободе совести.

Свобода вероисповедания не может быть использована с целью стеснения других свобод; а ведь получилось бы, в частности, стеснение свободы осуществления политических прав, свободы общественной деятельности и научных исследований, если бы это могло повести к дискриминированию в области религиозной.

Вследствие этого, охраняя, именно, свободу совести, декрет выдвигает такое постановление:

„Ст. 4: кто злоупотребляет свободой вероисповедания, отказывая в доступности обряда или религиозного действия в связи с политическими, общественными или же научными воззрениями или деятельностью, тот подвергается тюремному заключению на срок до 5 лет”.

Аналогию со ст. 4-ой декрета можно усмотреть в ст. 49 п. 4 Швейцарской Конституции 1874 года, которая гласит:

„Осуществления гражданских и политических прав нельзя ограничивать какими бы то ни было предписаниями или условиями, носящими церковный или религиозный характер”.

Однако, предписание ст. 4-ой выражено в более узком смысле, преследуя лишь только злоупотребление свободой вероисповедания посредством отказа в допущении к религиозному обряду или действию.

Ст. 4-ая, охраняя права гражданина, имеет целью вместе с тем предупредить, дабы религиозные фанатизмы не явились препятствием на пути развития общественных отношений и научных исследований, как это произошло уже когда - то в средние века.

Против обскурантизма равным образом направлена и санкция ст. 9-ой декрета, гласящая: „Тот, кто злоупотребляя свободой вероисповедания, с корыстной целью достижения личной, имущественной или иной пользы, эксплуатирует человеческое легковерие посредством распространения ложных известий, или же вводит других в заблуждение обманными или хитростными действиями, карается тюремным заключением”.

Преступление, с которым борется эта норма, не ново; известно оно было уже много веков тому назад.

Речь идет здесь об обмане своего рода (*sui generis*), направленном к достижению какой-либо корыстной цели посредством злоупотребления религиозной свободой, с одновременным использованием безграмотности, невежества, суеверий, предрассудков.

Преступление это не касается, очевидно, религиозного культа, свободно осуществляемого в рамках конституционных прав и гражданских свобод.

Наконец, ст. 8-ая устанавливает такое правило: „всякий, кто злоупотребляет свободой совести и вероисповедания с враждебной устройству Польской Республики целью, подвергается тюремному заключению на срок от трех лет и выше”.

Приготовление к совершению преступления, обозначенного в § 1-ом, наказывается тюремным заключением”.

Аналогии с этим предписанием можно доискиваться в ст. 204 — 206 французского уголовного уложения.

Однако, и тут предписание ст. 8-ой имеет более узкий характер. В то время, как ст. 204-ая преследует всякого рода поучения, независимо от их формы, в которых священник дерзнет критиковать или же порицать правительство или акт власти публичной, декрет ограничивается единственно теми злоупотреблениями, которые метят в само устройство Государства.

Декрет о свободе совести и вероисповедания желает обеспечить всем гражданам и всем вероисповеданиям не только полную религиозную свободу, но также и существенную оброну против всяких дискриминаций, оскорблений и ущербов.

Декрет противодействует всякого рода религиозному притеснению, вследствие которого, — несмотря на конституционные гарантии, — могли бы потерпеть со стороны религиозного фанатизма инакомыслящие граждане.

Декрет о свободе совести и вероисповедания составляет кодификацию обязательного в этой области уголовного законодательства. В других областях права равным образом введены правила, имеющие целью охрану этой свободы.

Итак, в книгах гражданского состояния устранены отметки о вероисповедании, вычеркнута также графа религии из всех официальных анкет, списков, свидетельств, удостоверений личности и т. п., а религиозная присяга в судах заменена светским обещанием. Сохранена свобода религиозных обрядов при бракосочетании, но вместе с тем введено одинаковое мирское брачное право, обязательное для всех граждан без различия их вероисповедания.

Религия — это частное дело каждого гражданина, и разбираемый декрет, равно как и вышеприведенные предписания, охраняют право гражданина свободного урегулирования своего отношения к религии, свободного, согласно совести, религиозного самоопределения. Охраняют они гражданина от всякого рода ограничений его гражданских прав в связи с его вероисповеданием, религиозными убеждениями, или же безверием.

Декрет о свободе совести и вероисповедания дает защиту всем гражданам против злоупотреблений религиозной свободой для политических целей со стороны преступных личностей.

Оставаясь последовательно на почве равноправия граждан независимо от их отношения к религии, декрет устраняет всякого рода дискриминации, — как в отношении к вероисповеданиям, так равно и к безверию, — а потому не разделяет вероисповеданий на категории признанных и непризнанных, не проводит различия между верующими и неверующими, распространяя на одних и на других одинаковую охрану их права свободного религиозного самоопределения, одинаковую охрану совести и чувств как приверженцев вероисповеданий, так равно и лиц, к таковым не принадлежащих.

Декрет о свободе совести и вероисповедания перебрасывает мост к прекраснейшим традициям польского народа в XVI и XVII веках, к традициям „золотого века” Польши, которая в эпоху инквизиции, кровавых преследований и религиозных войн — была одним из немногих уголков религиозной свободы, где находили убежище и защиту от преследований величайшие религиозные мыслители и реформаторы, как Фауст Содын и много других, где среди вероисповеданий рождались великолепные идеи общественного освобождения; да будут упомянуты здесь идеи общественного радикализма „Польских Братьев” (Ариан), которые за триста лет до раскрепощения крестьян осудили барщину, давали крестьянам земельные наделы и свободу, власть „барина” над крестьянином называли „тиранством, чудовищным рабством хуже египетского”, провозглашали лозунги религиозной свободы, свободы научных исследований, а также лозунг равноправия словий.

О ВЗАИМНОМ ПРАВОВОМ ОБОРОТЕ ПО ГРАЖДАНСКИМ И УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ПОЛЬШИ И ЧЕХОСЛОВАКИИ

(Договор от 1 марта 1949 г. Журнал Законов
П. Р. № 20, гл. 133)

Из содержания самого заглавия этого договора явствует, что обоим договаривающимся государствам важно было установить уже не только взаимную друг другу юридическую помощь, но нечто более широкое — взаимный правовой оборот. Это означает, что контрагенты уславливаются, исходя из положений этого договора, путем непосредственного судебного или административного вмешательства регулировать всякие отношения и жизненные вопросы своих граждан и юридических лиц. Цель этого многозначительного и далеко идущего соглашения двух соседствующих государств обнаруживается уже во вступлении к тексту договора.

Руководящим мотивом его является „желание, дабы постоянная и истинная дружба и взаимное доверие между обеими Странами нашли свое выражение равным образом и в сближении правового порядка обеих союзнических стран, в особенности в области судостроительства и через углубление и согласование взаимного правового оборота”. Если принять во внимание, что договаривающиеся государства уже заключили между собою трактаты в различных других областях, как-то: о социальном обеспечении, воздушном сообщении, сотрудничестве на хозяйственной и культурной платформе, а также в плоскости общественной политики и администрации и т. п., то очевидным станет факт все возрастающего сближения и взаимооборота между обоими народами.

Благодаря этому — то положению вещей, возникла возможность проведения в жизнь настоящего договора о правовом взаимодействии в таком объеме и пределах, каким нет прецедента в области международного права в прежних довоенных взаимоотношениях государств.

Договор этот, будучи юридическим между-государственным актом, заключает в себе правила процессуального и материального характера, общие и особенные, проникает в сферу как гражданского, так и уголовного права, а даже — в случае необходимости — принимает во внимание и дела административного производства.

Содействие в гражданских делах

В первом отделе этого договора упорядочен вопрос о судебной охране интересов сторон по гражданским делам, прежде всего в виде того общего правила, что граждане обоих государств пользуются „в равной мере законной охраной их личности и имущества”. Им открыт „свободный и беспрепятственный доступ во все судебные учреждения другой договаривающейся стороны, и могут они выступать в судах на равных основаниях”.

Дальнейшие правила общего порядка касаются освобождения стороны, как иностранца, от взноса залога в обеспечение покрытия издержек производства как судебного, так и исполнительного, а равно и какого-либо другого.

В ряду общих правил договора помещено также право бедности, признаваемое взаимно гражданам обеих договаривающихся сторон. Значительные облегчения при этом сопутствуют исходатайствованию и использованию благ этого права. Прощение лица, не имеющего постоянного местожительства ни местопребывания ни в одном из обоих государств, может быть основано на удостоверении дипломатического поста того государства, гражданином коего оно состоит. От просителя не требуется при этом указания отдельных юридических действий по делу, для ведения коего нуждается он в признании права бедности. Вместо особого прошения допустимо занесение ходатайства в протокол, в соединении с ходатайством о назначении правозащитника безмездно.

Наконец, не требуется и перевода ходатайства на язык другой договаривающейся стороны, имеющей признать просителю право бедности. По предметной подсудности в обоих государствах делами этого рода ведают городской суд по месту жительства и по месту пребывания просителя. Однако, и ненадлежащий суд не оставляет прошения без последствий, а передает таковое по подсудности другому суду.

В дальнейшем договор устанавливает способ производства по двоякого рода делам, а именно, либо ходатайств о вручении юридических актов в пределах другого государства, либо об оказании иного рода юридического содействия. Такое содействие может касаться дел, производящихся как в спорном, так и бесспорном порядке. Прощения могут быть высылаемы в случае надобности судами всех инстанций, но к их приему и рассмотрению призваны городские суды. Поскольку дело идет „о пересылке бумаг или других документов для обозрения или же копий с таковых, надлежащим будет тот суд в пределах каждой из договорных Сторон, в котором данное дело возбуждено было в первой инстанции”. Всякий раз, однако, ненадлежащий суд передает дело суду надлежащему. Дальнейшее общее правило касательно ходатайств гласит, что нет надобности в переводе их на язык приглашенной к содействию Стороны; то же самое относится и к ответу той же Стороны. В договоре помещены также и общие указания относительно содержания ходатайства, которое должно заключать точный адрес и краткое изложение требуемого юридического содействия.

Порядок вручения бумаг получателю в другом государстве зависит от действующих в нем внутренних правил. Конечно, не может служить препятствием ко вручению то обстоятельство, что бумага изготовлена не на местном языке. Стороне, призывающей ко вручению, пересылается письменное уведомление о состоявшемся исполнении. Наконец, отказ во вручении бумаги мыслим только тогда, если призванная Сторона „считает, что это вручение может угрожать ее верховным правам или безопасности”.

То же самое относится, впрочем, и к оказанию юридического содействия. С другой стороны, отказ недопустим даже в том случае, когда данное дело относится к компетенции административных властей, ибо тогда приглашенный к содействию суд обязан передать ходатайство той же власти для непосредственного исполнения, а при неисполнении „приглашенный суд уведомляет призывающий суд об отказе”.

Покрытие связанных с юридической помощью издержек, включая сюда произведенные свидетелям и сведущим лицам платежи, принимает на себя казна того государства, где действует суд приглашенный, а почтовые расходы покрывает за себя каждая сторона.

Однако, призывающий суд должен быть поставлен в известность о произведенных по сказанному основанию расходах, на предмет взыскания таковых с заинтересованных по сему делу лиц.

Следует отметить, наконец, что вручение судебных бумаг своим гражданам на территории другого договорного государства может равным образом воспоследовать при содействии местного дипломатического представительства либо консульства.

К числу других дел из области гражданского права договор относит в первую очередь дела по опеке и попечительству, лишению собственной воли (обезволению), признанию лица без вести пропавшего умершим и удостоверению кончины, усыновлению, а в особенности дела наследственные.

В области частно - правовой, касательно дел как спорного так и бесспорного производства, иначе говоря в деле охраны личных и имущественных прав единичного лица, а в результате и целого общества, а прежде всего для предотвращения хаоса в правовых отношениях граждан двух соседствующих и дружественных государств, надлежало разрешить в договоре несколько основных вопросов.

В первую очередь положено было основание для определения местной подсудности для иностранца и для своего гражданина, но жительствующего или пребывающего за границей, т. е. на территории другой договаривающейся Стороны. Различие между термином местожительства и местопребывания проведено уже издавна в науке административного права, и понятия эти не разнятся у обоих контрагентов. Понятие жительства обуславливается фактом, волею и намерением постоянного проживания в данной стране без различия самого местожительства, тогда как бытность ограничивается лишь фактом временного пребывания. В обоих случаях требование судебного содействия подлежит обязательному исполнению, за некоторыми лишь малочисленными исключениями.

В то время как применение материального права на территории другой договаривающейся Стороны представляет собою исключительную меру (по делам касающимся наследования), то формальное местное право, т. е. правила судопроизводства по делам спорным и бесспорным, применяются без всякого изъятия согласно действующим законоположениям того из договорных государств, которое призвано в данном конкретном случае к оказанию юридической помощи.

Опека и попечительство

Учреждение опеки и попечительства по подсудности принадлежит суду той страны, гражданином коей состоит данное лицо. Отметим при этом, что правила касательно не-

совершеннолетних относятся равным образом и к совершеннолетним, поскольку учреждается над ними судом опека или попечительство, или же принимаются другого рода охранительные меры.

Если, однако, субъект опеки жительствоует или пребывает на территории другой Стороны, где не имеет он права гражданства, то суд этого края может все же учредить опеку, поскольку не учреждена она дотоле ни в одной из обеих стран.

Однако же, суд той страны, гражданином коей состоит несовершеннолетний, властен потребовать передачи опеки в его ведение. И обратно, тот же суд может передать опеку в ведение суда другой страны, если подопечный переносит место своего жительства или пребывания в пределы той же страны, не будучи ее гражданином. Руководящим соображением, таким образом, является тут всегда непосредственность и близость опекунских или попечительских властей. Попечитель над имуществом подопечного может быть назначен судом страны по месту нахождения этого имущества, не взирая на принадлежность того же подопечного к гражданству той или другой страны. Происходит это, конечно, всегда по предложению опекунского суда.

Дальше говорится об опеке над личностью и имуществом подопечного, которую осуществляет опекунский суд, не взирая на местопребывание подопечного или местонахождение его имущества, разве бы подлежащий в силу договора суд той или другой страны распорядился иначе.

Объем прав и обязанностей в пределах самого осуществления опеки нормируется законоположениями по месту нахождения опекунской власти. Однако, по вопросу принятия и исполнения опекунских обязанностей применимы действующие в той стране узаконения, гражданином коей является лицо предназначенное стать опекуном.

Здесь кстати будет упомянуть о польском опекунском праве (декрет от 14 марта 1946 г. Журн. Зак. П. Р. № 20, гл. 130), заключающем положения касательно личной и имущественной опеки и попечительства, о правилах по введению в действие опекунского права, а также о порядке производства перед опекунской властью (декрет от 21 мая 1946 г. Журн. Зак. П. Р. № 22, гл. 140).

Согласно 1-ой ст. опекунского права „опекунская власть учреждает опеку по должности, лишь только станет ей известно существование законных условий для ее учреждения”.

В статье же 7-ой п. 1 говорится: „что всякий обязан принять вверенную ему опекунской властью опеку”.

Из числа общих правил декрета о порядке производства перед опекунской властью приведем ст. 5 п. 1 и 2, в силу коих по делам опеки над польскими гражданами, проживающими за границей, или владеющими там же имением, а равно и над иностранцами в нашей стране, „опекунская власть поступает согласно с постановлениями международных договоров и законоположениями частного международного права”.

По основному положению только Министр Юстиции может соизволить на предоставление властями чужого государства попечения над польскими гражданами.

По польско-чехословацкому договору, как видно, условие это не имеет силы.

Обезволение

Производство по делам об обезволении, — что означает полное или частичное отнятие физического лицу его дееспособности, — регулируется договором сходственно с делами по опеке и попечительству.

Подсудность та же — городскому суду страны, гражданином коей состоит данное лицо. Разница лишь в том, что суд страны по месту его жительства или пребывания уведомляет подлежащий суд другой страны о необходимости возбуждения производства и постановления об обезволении совместно с назначением опекуна или попечителя для управления его имуществом. Уведомленный об этом суд может либо предоставить дальнейшее производство суду другой страны по месту жительства или пребывания того же лица, либо вовсе не высказываться по этому делу.

В этом случае — по истечении трех месяцев — суд места жительства или пребывания сего лица становится компетентным и руководствуется уже местными законами, не взирая на законы страны, гражданином коей состоит данное лицо. Однако, уведомление суда его страны о решении признать его недееспособным обязательно. В случаях не терпящих отлагательства суд места жительства и пребывания может предпринять всякого рода временные меры в интересах данного лица и его имущества, которые, впрочем, могут быть отменены или изменены подлежащим судом, по получении соответственного извещения. Так напр., суд местопребывания данного лица сделает распоряжение о частичном его обезволении, тогда как извещенный об этом суд страны, гражданином коей лицо это состоит, признает в результате проведенного производства полную его недееспособность (применительно к ст. 4-ой декрета).

По положениям польского опекунского права от 14 мая 1946 г. (Журн. Зак. П. Р.

№ 20, гл. 140), в таких случаях требуется „по мере возможности” выслушивание судом заинтересованного лица.

Закон этот признает также несовершеннолетнему в возрасте свыше 14 лет и лишь частично обезволенному лицу судебную дееспособность по сказанному его делу.

Признание умершим

Судебное производство по ходатайствам о признании без вести пропавшего лица умершим, а также о подтверждении факта смерти установлено в Польше декретом от 29 августа 1945 года (Журн. Зак. П. Р. № 40, гл. 226), с применением Устава судопроизводства по делам бесспорным. В общей части сего закона определена подсудность сих дел городскому суду по месту последнего жительства без вести пропавшего лица, а при невозможности выяснения этого обстоятельства — по месту жительства заинтересованного по сему делу лица. Понятие без вести пропавшего определяет польское личное право в том смысле, что мерилом является отсутствие сведений о нем и всеобщее сомнение касательно нахождения в живых данного лица. Если же, напротив того, факт кончины данного лица общеизвестен, и следует считать его уже не без вести пропавшим, а умершим, то необходимо представление доказательств смерти в установленном выше названным декретом судопроизводственным порядке.

Договор в принципе не изменил порядка местной подсудности, но ввел в ст. 26-ой оговорку, что для польского либо чехословацкого гражданина компетентным является суд его страны. Лишь в виде исключения, ибо только в случае крайней необходимости, польские суды могут признать умершим чехословацкого и в свою очередь чехословацкие суды — польского гражданина, но всегда с такими юридическими последствиями, какие предусмотрены законами государства, суд коего выносит соответственное решение. Такое признание данного лица умершим суд этот вправе, однако, отменить либо изменить в зависимости от тех или иных вступивших уже в законную силу решений отечественного суда без вести пропавшего лица, коими либо установлено другое отличное число месяца его смерти, либо вообще отказано в удовлетворении ходатайства о признании сего лица умершим — по существу или же по формальным причинам.

Наследственное право и производство по наследственным делам

Договор нормирует оба эти вопроса из частно-правовой области в двух отделах: в третьем отделе среди других соглашений из той же области и в отделе пятом, заклю-

чающем правила формального характера. Эти последние касаются способа производства у властей и в наследственных судах, а также их предметной и местной подсудности во всех случаях, вызвавших заинтересованность и вмешательство другой договорной Стороны.

Материальное же наследственное право, поскольку идет речь о взаимном применении его законоположений, основано на ниже следующих началах, изложенных в ст. 29-ой:

1) Руководящим при оценке юридических отношений, возникших в связи с наследованием, считается наследственное право того государства, гражданином коего состоял наследодатель.

2) „Наследственная правоспособность на основании наследственного права должна быть налицо как сообразно с законами Стороны, гражданином коей состоял наследодатель, так и по законам Стороны, гражданином коей состоит заявитель притязания к праву на наследство”.

3) „Оценка того обстоятельства, является ли наследство выморочным имуществом, производится согласно законам той Стороны, гражданином коей в момент своей смерти был наследодатель”.

Как уже указано выше, изъятием из общего принципа является правило о применении действующего по месту нахождения наследственного имущества, а не отечественного — закона, в том случае, когда имеется в виду особого рода наследственное имущество, которым по местному закону наследодатель не вправе был распорядиться на случай смерти. Касается это в частности „порядка наследования”.

Итак, согласно ст. 16-ой унифицированного польского наследственного права (часть III гражданского права с вошедшим в нее декретом от 8 октября 1946 г. Журн. Зак. П. Р. № 60, гл. 328) на началах родства наследуют по закону без ограничения нисходящие по прямой линии, а из восходящих наследуют только родители, в боковой же линии — братья и сестры и их нисходящие по прямой линии. Это означает, что деды и бабушки, дяди с отцовской и с материнской стороны и двоюродные братья и сестры не наследуют вовсе. В силу бракосочетания наследует также по закону переживший супруг, а в конце концов — за неимением законных физических наследников — наследует община (т. наз. в Польше „гмина”), или же Государственная Казна (ст. 16, 22 и 27 декрета).

Что же касается формы распоряжения на случай смерти или же его отмены, то хотя по общему началу руководящим считается закон того государства, гражданином коего состоял или же состоит в данный период времени наследодатель, тем не менее для дей-

ствительности этих юридических актов „достаточно” применение закона по месту их совершения.

Далее, по вопросу о применении материального права договор устанавливает правило обязательности для каждой из договорных Сторон законов того государства, гражданином коего был в последнее время, т. е. перед своей кончиной наследодатель.

На той же общей основе разрешается вопрос о выморочности наследственного имущества, следовательно, о переходе его к общине или государству.

В ст. 27-ой п. 1 польского наследственного права предусмотрено такое положение вещи, когда наследственное имущество, состоящее из движимости и недвижимости, осталось без наследников по закону или завещанию. В этом случае все имущество, находящееся в отечественной стране наследодателя, за исключением земельной собственности, наследует по закону община („гмина”) последнего местожительства наследодателя; если же таковое находилось за границей, то — Государственная Казна.

„Однако же земельные недвижимости, как равно и недвижимости, находящиеся за границей, наследует Государственная Казна, тогда как другие недвижимости — гмина (община) их места нахождения”.

Это положение наследственного права в связи с правилом ст. 29-ой договора примерно означает, что наследство проживавшего в Чехословакии и там же скончавшегося польского гражданина, за неимением наследников, приходится — в части земельной недвижимости — Казне Польского Государства, к местной же чехословацкой общине переходит остальное недвижимое и движимое имущество, какое находилось там же в момент кончины. В обратном случае, когда недвижимость, не составляющая земельной собственности, и движимость умершего поляка не находились за границей, законным правопреемником станет „гмина” места жительства наследодателя, хотя бы тот и умер в Чехословакии, но не имел там своего местожительства. Тут-то и следует подчеркнуть проведение различия между местом жительства и местом пребывания.

Самую правоспособность в отношении приобретения наследства, — и это весьма важное условие, — договор признает лишь постольку, поскольку имеется она налицо сообразно с законами обоих контрагентов. Так напр., обезволенный в Польше наследник не может приобрести наследства в Чехословакии без выполнения предусмотренных польским законом условий (соизволение попечительского суда), именно по причине его недееспособности по закону польского государства, гражданином коего он состоит.

Наконец, относительно формы последнего волеизъявления либо его отмены, для действительности такого акта решающее значение имеет закон государства, гражданином коего состоял наследодатель в момент его совершения, или же закон места его совершения, разумеется, на территории одного из договорных государств. Таким образом, здесь выдвинуты факультативные условия, оправданием коих служит стремление к возможному облегчению наследования гражданам обеих договорных сторон.

Из вышеприведенного очерка очевиден факт применения материального и формального права, но в различном виде в зависимости от того или иного рода правового оборота.

Итак, может найти свое применение:

- 1) право страны в период принадлежности данного лица к ее гражданству;
- 2) право страны по месту последнего жительства или пребывания;
- 3) право страны исключительно по месту жительства;
- 4) право страны по месту кончины;
- 5) право страны по месту нахождения земельных угодий, недвижимого и движимого имущества (*lex rei sitae*);
- 6) право страны по месту совершения завещательного распоряжения (последнего волеизъявления) или же его отмены.

Сотрудничество и юридическое взаимодействие наследственных судов и властей нормировало договор в виде соответствующих актов вмешательства в различных стадиях наследственного производства. Приводим таковые в отдельности с краткой заметкой об их значении, а именно:

1) **Охранение наследственного имущества.** Охранительные меры принимает суд согласно местной подсудности по должности, без требования или ходатайства по этому поводу. Возможно вместе с тем учреждение попечительства над имуществом или управления таковым. На обязанности суда лежит, однако, безотлагательное уведомление консула отечественной страны наследодателя, с одновременной передачей могущих быть в распоряжении суда сведений о наследниках и их местопребывании. Охранительные меры подлежат отмене по требованию компетентного по проведению данного наследственного производства суда другой договорной Стороны.

Открытие завещания. Суд, коему подсудно наследственное производство, касающееся граждан одной Стороны, будет компетентен и для открытия завещания или акта распоряжения на случай смерти, исходящего от гражданина другой договорной Стороны. Копия открытого акта пересылается отечествен-

ному суду наследодателя совместно с протоколом открытия, а в случае надобности, т. е. по требованию, — и самый подлинник акта. И обратно, отечественный суд перешлет копию завещания суду, имеющему предпринять охранительные меры.

2) **Выдача наследства.** Подсудность для проведения наследственного производства, поскольку закон не говорит иначе, определяется по последнему месту жительства наследодателя; если же такого местожительства наследодатель в Польше не имел, то надлежащим будет суд по месту нахождения наследственного имущества или его части, а за отсутствием сих оснований — суд того округа, в котором Верховный Суд имеет свое местопребывание.

В ст. 47-ой договора изложены правила выдачи наследственного имущества, оставшегося после гражданина другой договорной Стороны, либо наследнику, т. е. законнополномочному лицу (в Польше вступившее в законную силу утверждение в правах наследства), либо законному душеприказчику, т. е. исполнителю завещания или вообще последнего волеизъявления.

Обязанность выдачи наследства ограничена предметом и сроком. По предмету — в том смысле, что правопреемник должен доказать суду свои права; срок для этого дан ему трехмесячный со дня смерти наследодателя, по истечении коего о выдаче наследства придется ему ходатайствовать уже не перед этим судом (охраняющим), а перед отечественным судом наследователя, ибо сему последнему произведена будет передача наследственного имущества. Возможно, однако, продление сказанного срока передачи наследства этому суду еще на шесть месяцев в случае надобности обеспечения „притязаний к правам на наследство или к удовлетворению из наследства”, т. е. претензий кредиторов наследодателя либо наследственной массы (напр., похоронные расходы), не взирая на то, представляются ли они бесспорными или спорными. В тех случаях, однако, когда права наследства или же иски по претензиям к наследству в судебном порядке признаны либо предъявлены, даже истечение этого продленного срока не влечет за собою передачи наследства отечественному суду наследника, так как охранивший наследство суд обязан таковое задержать. Несмотря на невыясненность вопроса, какие претензии этим путем обеспечиваются, все же логически приходится заключить, что речь идет здесь о домогательствах кредиторов либо призванных к наследованию лиц на территории той же другой договорной Стороны (следовательно, не в отечественной стране наследодателя).

Ни в каком случае не могут суды обеих Сторон выдать наследства до уплаты или

обеспечения связанного с наследством налога (в Польше налога с приобретения имущественных прав). Сверх всего этого, с выдачей наследства связаны следующие действия: а) признание состоявшегося судебного определения об утверждении в правах наследства, исходящее от каждого из двух государств; и б) занесение в гласные, т. е. ипотечные, и другого наименования регистрационные книги прав собственности или других вещных прав.

Другой вид вмешательства суда другой договорной Стороны

Здесь надо указать на следующие права и обязанности судов обеих Сторон, а именно: 1) суд другой Стороны, будучи по предметной и местной подсудности компетентен для производства дела по находящемуся в его округе наследству, вправе (может) открыть несостоятельность либо распорядиться о ликвидации наследственной массы — по ходатайству заинтересованных лиц, но во всяком случае только по положениям собственного законодательства.

2) Наследство после умершего в пути (на территории одной Стороны) гражданина другой Стороны, не имеющего в стране, где постигла его смерть, ни своего местожительства, ни местопребывания, подлежит выдаче без всяких формальностей консулу отечественной страны скончавшегося, разве бы возникло дело об обеспечении кредиторов.

3) За неимением наследников, входящее в состав наследства движимое имущество приходится в пользу страны, коей умерший был гражданином, тогда как недвижимое имущество — „Стороне, на территории которой оно расположено”. Правилу этому надо придать особое значение ввиду того, что этим путем разрешен вопрос, на долю которого из двух государств приходится недвижимое имущество своего гражданина, расположенное за границею.

4) Действенное полномочие консула одной Стороны на защиту интересов граждан своей страны по наследственным делам в судах и перед властями на территории другой Стороны зиждется на силе самого договора и носит характер законного представительства во всех тех наследственных делах, в коих заинтересованные лица сами отсутствуют и не имеют своего поверенного ни по выбору, ни по назначению (напр., опекуна или попечителя).

Взаимное признание судебных решений

Хотя договор во всем своем объеме имеет выдающееся общественное значение для правового оборота между обеими сторонами, однако несомненно на первый план выступает

наиболее всегда и везде животрепещущий и актуальный вопрос приведения в исполнение заграницею отечественных приговоров и равнозначущих с ними судебных решений, а нормировка его в высшей мере желательна.

Настоящее соглашение мало того, что облегчает эту юридическую функцию двух державных государств, оно прямо ликвидирует этот вопрос, и потому следует признать его крупным шагом вперед к достижению единообразности их законодательства. В четвертом отделе договор систематически разбирает этот вопрос и постановляет правила касательно: 1) общих условий признания судебных решений, 2) отказа в таком признании, 3) пределов исследования судебных решений другой договорной стороны, и 4) исполнительного производства.

К п. 1-му: Общее начало для признания, а вследствие сего и возможности исполнения судебного решения другого контрагента, стоит в зависимости от вступления его в законную силу и подтверждения этого факта судом, вынесшим решение в первой инстанции. Относительно решений особенных судов принято правило об уравнивании их с общими гражданскими судами (напр., решения Отделения по спорным делам Патентного Управления П. Р.).

Решения третейских судов приравниваются лишь в этом случае, если запись на третейский суд была составлена в письменной форме, а третейский судья либо третейские судьи были назначены сторонами или их доверенным для этой цели лицом, или же, наконец, судом; назначение третейского судьи или доверенного того третьему лицу должно быть подтверждено в письменной форме (ст. 32).

В виде изъятия из общего правила признания вышеупомянутых судебных решений в другом договорном государстве ст. 33 в точности перечисляет случаи, исключаящие возможность такого признания и возлагающие на суды другой стороны обязанность отказа. Мотивировка отказа должна быть обоснована, напр., тем, что решение вынесено как раз некомпетентным судом, ибо дело относилось к компетенции суда другого договорного государства, от коего ныне требуется признание этого решения. Отсутствие правильного вручения судебной бумаги о возбуждении дела против лица, подведомственного судам другой Стороны, или же запоздалое вручение, вследствие чего лицо это не вступило в судебное препирательство, (напр., вынесение заочного решения) равным образом устраняет возможность признания состоявшегося против него решения. Отказ в признании решения обуславливается также существованием пробелов из области материального частного права; такой отказ

будет основательным, именно, при наличии глубокой разницы между юридическими понятиями в законодательстве обеих Сторон, в частности в отношении правоспособности и дееспособности заинтересованных лиц, поскольку договор не выясняет этого вопроса, или же брачных дел о разводе, или разлучении супругов, также об усыновлении, обезволении и дел наследственных.

Отказ в признании решения устраняет сам по себе и признание постановления о судебных издержках. Напротив того, признаются издержки, возложенные на гражданина другой договорной стороны, освобожденного по данному делу от взноса залога. Отметим кстати внесенную в соглашение оговорку, что суды или другие несудебные власти, рассматривающие вопрос о признании решения другой Стороны, „не связаны при выяснении поводов к отказу фактическими установками решения“. Другого рода выяснений или исследований, касающихся существа дела, договор не допускает.

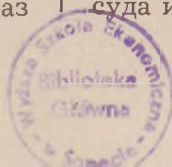
Говоря о несудебных властях, договор не всегда дает указания относительно прав и обязанностей судов.

Для предотвращения недоразумений и ошибочного толкования его правил дано в ст. 53-й среди других принятых юридических определений следующее понятие „суда“: „под понятие судов“ следует подвести также и административные власти, поскольку по закону Сторон участвуют они в наследственном производстве“, понятие же „суды или отечественные власти“ „совмещает в себе суды или власти той Стороны, гражданином коей состоял в момент смерти наследодатель“.

Исполнение решения, переданного другой Стороне.

Исполнительное производство заграницею на основании выданного отечественным судом или административной властью исполнительного листа, связанное по польскому Уставу гражданского судопроизводства с многочисленными условиями и оговорками, подверглось по договору весьма существенному упрощению.

По Уставу Гражд. Судопр. (ст. 528 п. 1, 529 п. 5 и 532 п. 1) требуются, кроме существования соответственного общего международного договора, еще доказательства вступления решения в законную силу, принципа взаимности, вручения лично самой заинтересованной стороне заграницею касающихся ее бумаг, согласования с началами польского материального права, общественного порядка и добрых нравов. Да еще требует польское право „отсутствия противоречия со вступившим в законную силу решением польского суда и отсутствия (*litis pendentis*) в производ-

стве в Польше спорного дела по тому же предмету, а в конце концов — приказа об исполнении решения с надписью об этом на исполнительном листе, исходящего от окружного суда в порядке общей подсудности в отношении должника либо округа исполнения". Дальнейшее требование Уст. гражд. судопр. — это представление наряду с подлинным исполнительным листом вместе с его засвидетельствованной копией еще удостоверения об исполнимости решения в государстве, откуда оно исходит, и о вступлении его в законную силу, а по заочным решениям — и о правильном вручении ответчику повестки о явке к судебному разбирательству. Так вот, этого рода громоздкое и длительное производство договор устранил с намерением облегчить по возможности гражданам обеих Сторон домогательство своих прав в другом государстве.

Упрощение состоит в том, что исполнительное производство обусловлено единственно следующим: 1) признанием решения, о чем шла речь выше сего; 2) разрешением на производство исполнительных действий, выданным производственным судом, или судом по месту исполнения, согласно с правилами исполнительного производства страны места исполнения. Должник располагает в этом случае правом обжалования.

Для получения такого разрешения (приказа об исполнении) в другом договорном государстве достаточно ходатайства кредитора, к которому вдобавок предоставлено право вызвать должника в исполнительный суд либо в подлежащий суд по его месту жительства. Для его допроса следует к ходатайству приобщить только выписку из решения и документы о вступлении его в законную силу и приказе об исполнении, поскольку эти данные не явствуют из самого решения, а также приложить перевод на языке другого государства, удостоверенный дружественным переводчиком одной из Сторон без различия. Само исполнение производится согласно действующим узаконениям и распоряжениям исполняющей Стороны. Кстати сказать, не подлежит оно приостановлению даже в случае приостановления, прекращения или же возобновления дела в судах страны, откуда исходит исполнительный лист.

Уголовные дела и содействие по уголовным делам

Ввиду сугубой важности договора в отношении уголовных дел лиц, преследуемых судами обеих контрагентов, отсылаем читателей к полному переводу текста, который появится в сборнике польского законодательства с 1949 года. Бросая же общий взгляд на это дело, надлежит остановиться на следующих основных положениях:

1) Обязанность экстрадиции касается граждан другой Стороны, а не своих, если дело идет об их преследовании по суду или осуждении.

2) Экстрадиция допустима лишь за деяния, квалифицируемые как преступления и проступки, но не нарушения, разве бы обьяты они были тем же приговором.

3) Каждая из сторон преследует по суду и судит своих граждан за такие преступления, совершенные на территории другой Стороны, которые служили бы основанием к их выдаче, и сообщает ей о ходе дела и результате производства.

4) Немыслима экстрадиция за преступления политические и печати, а равно и возбуждаемые лишь в порядке частного обвинения или же в случае производящегося уже в той же стране уголовного дела за то же преступление или законченного тут же вынесенным приговором или постановлением о прекращении.

5) Надлежаще обоснованные, изложенные на своем языке без перевода ходатайства об экстрадиции пересылают себе взаимно Министерства Юстиции, а в подлежащих случаях — Министерства Народной Обороны.

6) С момента поступления ходатайства о выдаче, приглашенная Сторона обязана принять меры к обеспечению выдачи требуемого лица и пресечению способов уклоняться от суда, а также охранению предметов добытых преступлением. Допустимо временное задержание могущего быть выданным лица и до получения ходатайства, если другая Сторона этого требует, ссылаясь на приказ об аресте или вступивший в законную силу приговор, а даже и без такого требования, если властям станет известно о совершении тем лицом преступления на территории другой Стороны.

7) Временная экстрадиция, если возникает возможность истечения давностного срока или опасение других каких-либо вредных для уголовного производства последствий.

8) Юридическое содействие, за каким обе Стороны на своем собственном языке могут друг к другу обращаться, касается допроса свидетелей, сведущих лиц, производства осмотра и сообщения всякого рода сведений, а также толкования законов данной страны. Равным образом допустимо требование явки чужого гражданина в суд другого договорного государства для отобрания от него показаний или же мнения его, как сведущего лица. Принуждение к такой явке, однако, неприменимо.

9) Суды договорных Сторон взаимно выдают себе по требованию все вещественные доказательства преследуемого преступления и извещают об осуждении и регистрации преступников.

10) Стороны возмещают друг другу только расходы по перевозке выданных лиц; не подлежат возмещению издержки экстрадиционного, а также и уголовного производства.

Заключением содержания договора является Добавочный Протокол от 21 января 1949 года, которым подтверждено достигнутое относительно следующих пунктов соглашение:

„1. Вопросы, возникшие на почве применения настоящего договора, а вытекающие из изменений правовых норм обеих Сторон, как результата кодификации их гражданской и уголовной юридической системы, будет разрешать Юридическая Польско - Чехословацкая Комиссия.

2. Выражение „суды” в правиле ст. 56-ой означает всякого рода органы правосудия, выражение „органы правосудия” в ст. 76-ой п. 1 охватывает также суды.

3. Правило ст. 84-ой п. 1 касается равным образом приговоров с применением в них условного осуждения.

4. Стороны известят друг друга о распределении округов общих и военных судов, а также других органов правосудия”.

Как видно из вышеприведенного очерка, договор охватывает целую область частного права, как - то: вещного, семейного (брачного), опекунского и наследственного, затем

гражданского процесса и далее уголовного права и судопроизводства.

Благодаря широко очерченному определению таких понятий, как **суд и власть, приговор и решение**, взаимное содействие обоих государств в сфере правового оборота распространяется равным образом на многочисленные дела и вопросы, проникающие в область административного права. Этому обстоятельству нельзя не придать весьма выдающегося значения, принимая во внимание многообразные разветвления этого права, основывающегося уже в значительной мере на переустроенном законодательстве, примененном к новой социальной и экономической структуре обоих контрагентов. Упорядочение правовых отношений как в общественной так и личной жизни отдельного гражданина обеспечивает ему наравне со справедливым в материальном отношении улажением дела также и значительное ускорение юридических действий; эффект этого при отсутствии международного договора мог оказаться нередко иллюзорным. Ныне же, каждый гражданин обеих Сторон и каждый житель или даже временно пребывающий на территории другой Стороны должен считаться с фактом, что рука правосудия воздаст ему должное, но и достигнет его, где бы он ни находился. Несомненно, все это ведет к уверенности и устойчивости в сфере не только личного правового, но и общехозяйственного оборота.

ИНСТИТУТ НОТАРИАЛЬНОЙ ЧАСТИ В ПОЛЬШЕ

Институт Нотариальной части, имеющий за собою в пределах Польской территории длительную традицию, в настоящее время зиждется на Положении о нотариальной части от 27 октября 1933 г. (Журн. Зак. П. Р. № 84, гл. 609) вместе с последующими его новеллами.

Положение это упорядочило устройство нотариальной части, а равно и формальную сторону нотариальных действий, тогда как общие законы, а в первую очередь гражданское право, определяют материальный круг этих действий.

I. Устройство нотариальной части

По Нотариальному Положению нотариус является общественным должностным лицом, призванным к совершению актов и документов, которым стороны либо обязаны, либо желают придать признаки общественного доверия, а также и к выполнению прочих предоставленных ему законом действий.

Нотариусу не полагается никакого оклада жалования, и не имеет он права на пенсию, но взамен этого получает он от сторон вознаграждение за отдельные свои действия в установленном в особом распоряжении Министра Юстиции размере.

В связи с этим в отношении налоговых обязанностей нотариусы причисляются к т. наз. свободным профессиям, наравне с врачами, адвокатами (правозаступниками) и т. п.

Не вполне соответствует это, однако, существу нотариусу характеру общественно-должностного лица. Положение о нот. части говорит определенно об „отправлении нотариусом должности”, об „исполнении им службы”. Нотариусов по установленному штату назначает Министр Юстиции, располагают они печатью с государственным гербом и при исправлении ими своих обязанностей пользуются законной охраной наравне с государственными чиновниками.

Эти моменты подчеркивают должностной характер занимаемого нотариусами положения.

Число нотариусов и их местопребывание определяются распоряжениями Министра Юстиции.

Нотариус вправе исполнять свои функции во всем округе того Округного Суда, в котором имеет свое служебное местопребывание, и властен выполнять всякие действия по принадлежности в пределах деятельности нотариусов, где бы ни находился предмет данного действия и где бы ни проживали стороны.

Напротив того, нотариусу не полагается выполнять должностных действий вне того округа Округного Суда, в пределах коего находится его официальная контора. Совершенное нотариусом вопреки этому правилу действие лишено силы и значения нотариального действия, совершенный им вне того же округа акт не считается нотариальным актом, заверенные на документе подписи лишены свойств нотариального их засвидетельствования, духовное завещание не приобретает в этом случае характера гласного (публичного) завещания и т. п.

В числе законных условий, требуемых для назначения на должность нотариуса, Положение о нотариальной части называет окончание курса юридических наук университета, исполнение обязанностей кандидата на нотариальную должность (референдаря) в течение не менее 5 лет и нотариальный экзамен, выдержав который вышеуказанный кандидат (референдарий) становится т. наз. нотариальным ассессором.

Однако от исполнения упомянутых кандидатских обязанностей и необходимости подвергнуться экзамену освобождены лица, пробывшие в течение 5 лет по меньшей мере в должности судей или общественных обвинителей.

Независимо сего, сообразно с переходными правилами в послевоенное время допускается назначение на должность нотариусов и таких трудящихся, которые в продолжение не менее 10 лет работали в нотариальной или ипотечной канцелярии.

Эти лица могут быть освобождены от прохождения университетского курса, кандидатских трудов и нотариального экзамена.

Равным образом, в виде временной меры состоит в данный момент в должности нотариусов известное число судей, исполняющих таким образом одновременно обязанности судьи и нотариуса. Такое положение вещей ликвидируется, однако, в настоящее время в довольно быстром темпе.

Увольнение нотариуса от должности может воспоследовать либо по его собственному требованию, либо в должностном порядке в случае продолжительной его неспособ-

ности к отправлению службы, утраты гражданских прав и, наконец, на основании дисциплинарного приговора.

В организационном отношении нотариусы действуют на началах самоуправления, органами которого являются т. наз. Нотариальные Палаты; район деятельности сих последних соответствует округам Апелляционных Судов (Судебных Палат).

Нотариальной Палате присуще право юридического лица, — являются, следовательно, Палаты эти юридическими лицами публично-правового порядка. До настоящего времени учреждены уже Палаты в городах: Варшаве, Люблине, Кракове, Катовицах, Познани, Быдгощи, Вроцлаве и Гданьске. Некоторые из этих Палат временно расширяют район своих действий на округи двух или более апелляционных судов.

Органами Нотариальных Палат являются общие собрания и нотариальные советы.

В круг компетенции общего собрания входят, между прочим, избрание членов нотариального совета, принятие бюджета и установление размера членских взносов на нужды Палаты, а также создание фондов пособий и принудительного обеспечения на случай смерти или нетрудоспособности членов Палаты.

Нотариальные Советы заведуют административной частью Нотариальных Палат, вследствие чего управляют их имуществом, а засим выполняют целый ряд предусмотренных по уставу действий, как-то: участие в специальном нотариальном судостроительстве, определение по требованию сторон и нотариуса причитающегося по правилам вознаграждения за нотариальные действия, назначение стороне, доказавшей свою имущественную несостоятельность, нотариуса для безвозмездного совершения известного действия или же с вознаграждением по пониженному тарифу, третейское разбирательство возникших в среде нотариусов, кандидатов и нот. ассессоров конфликтов, осуществление надзора над нотариусами, кандидатами и ассессорами, проведение нотариальных экзаменов, а также составление списков нотариусов, нотариальных ассессоров и референдариев (кандидатов).

Представителем Нотариального Совета является его Председатель, который руководит его трудами, председательствует на заседаниях и выполняет его постановления.

Надзор за нотариальными советами относится к компетенции подлежащих председателей апелляционных судов, а надзор за отдельными нотариусами, независимо от надзора нотариальных советов, осуществляется председателями судов окружных и апелляционных. Верховный надзор над сове-

тами и нотариусами состоит в ведении Министра Юстиции.

Нотариус несет имущественную ответственность как за свои собственные неправильные действия, так равно и личного состава своей канцелярии, а независимо сего нотариус ответственен и лично перед дисциплинарным судом нотариальной палаты за нарушение своих обязанностей.

II. Нотариальные действия

Нотариусу вменяется в долг исполнять его обязанности сообразно с законом и совестью, а равно хранить достоинство и значение своей должности. Воспрещается ему совершение действий противных закону, общественному порядку или добрым нравам.

В случае отказа со стороны нотариуса в совершении данного действия, заинтересованному лицу предоставлено право обжалования такого подлежащему окружному суду в двухнедельный срок.

Нотариус обязан удостоверять самоличность явившихся. Если ему лично они неизвестны, тождественность может быть установлена двумя известными нотариусу лицами (рекогносцентами). За неимением сих последних, могут быть принимаемы в доказательство самоличности вид на жительство (паспорт), удостоверение личности явившегося или иные соответственные документы.

При совершении действий с участием лица неумеющего или же немогущего расписаться, слепого, глухого, немого или глухонемого — обязательно присутствие двух свидетелей. Свидетели требуются равным образом при составлении нотариусом духовного завещания.

Из действий, к совершению коих призван нотариус, в первую очередь следует назвать нотариальные акты.

Такие акты совершаются нотариусом в тех случаях, когда по особым правилам форма нотариального акта необходима для законной силы данного юридического действия. Впрочем, совершение таких актов нотариусом допустимо и не взирая на необязательность нотариальной формы в строгом смысле в тех случаях, когда явившиеся стороны сами желают придать данному юридическому действию признаки гласного документа.

Нотариальным актом считается документ, совершенный нотариусом с соблюдением известной установленной формы. Несоблюдение такой формы — (напр., неприглашение свидетелей в требуемых законом случаях, отсутствие подлежащих данных, касающихся личности действующего нотариуса, его должностного местопребывания, места и числа месяца совершения действия, удостоверения, что акт сторонам прочитан, подписей сторон

и нотариуса, а также участвовавших при совершении акта свидетелей), — лишает данный документ значения нотариального акта и признаков гласного документа.

Нотариальный акт остается всегда в деле нотариуса. Сторонам выдаются нотариусом единственно выписи акта, то-есть копии, имеющие одинаковое с подлинником юридическое значение, а сверх того — обыкновенные им удостоверенные копии.

Кроме совершения нотариальных актов, выдачи выписей, засвидетельствования верности копий с представленными подлинниками, нотариус удостоверяет подписи на договорах и заявлениях, не требующих для своей законной силы формы нотариального акта.

Подписи эти нотариус заверяет как на совершенных им самим, так и другими лицами документах.

Сверх сего, нотариусы удостоверяют в виде протоколов ход известных действий и происшедших событий, влекущих за собою юридические последствия, как напр., формальное принятие тем или иным собранием постановлений, явку или неявку стороны и т. п.

Равным образом, нотариусы уполномочены вручать — по требованию стороны — ее письменные заявления, могущие вызвать юридические последствия, указанной ею противной стороне, а также — принимать на хранение всякого рода документы, в связи же с совершенными в его канцелярии действиями принимать равным образом на хранение вклады как денежные, так и в ценных бумагах.

III. Круг деятельности нотариусов

Материальное право определяет те случаи, в которых необходимым или целесообразным является участие нотариуса в юридических действиях. Вслед за сим приводим сопоставление наиболее значительных правил, определяющих предмет нотариальных действий. По положениям вещного права договор о переходе права собственности на недвижимость обязательно должен быть совершен в форме нотариального акта, лишаясь в противном случае своей законной силы. То же самое относится и к обременению данной недвижимости вещными правами, носящими в польской юридической терминологии название ограниченных вещных прав, как-то: право участия частного (сервитуты), ипотеки и реальные обременения.

Требование это вполне понятно, ибо оборот недвижимостями, а в первую очередь землею, представляющею основную экономическую ценность, требует особенно тщательного государственного контроля, что равным образом нашло свое выражение и в действующей конституции. Установление, поэтому,

зависимости этого оборота от принудительной нотариальной формы дает государству возможность надлежащего его контролирования. По тем же причинам обязательность формы нотариального акта относится равным образом к договорам приобретения права временной собственности, а также собственности особых помещений.

Подписи совершающих известные юридические действия лиц на тех документах, которые дают основание ко внесению записей в вечных (ипотечных) книгах, — поскольку об'ятые ими юридические действия по своему содержанию не требуют формы нотариального акта, — должны быть обязательно засвидетельствованы нотариусом. Здесь говорится, следовательно, о принудительности нотариальной формы в широком смысле.

Имущественные брачные договоры, в которых стороны устраивают свои имущественные отношения в особом порядке, в отличие от общепринятого в соответственных узаконениях, должны быть совершаемы в виде нотариального акта. Та же форма требуется также и для договора об усыновлении.

Сообразно с обязательственным кодексом те, кто не умеет или не в состоянии читать, а, следовательно, неграмотные и слепые, могут выражать из'явления своей воли в письменной форме исключительно в виде нотариального акта. Цель этой нормы — предохранение тех лиц от возможности выманить от них невыгодные для них же волеиз'явления.

Дарственная запись равным образом требует нотариальной формы в строгом смысле, т. е. нотариального акта, если имущественное приращение в пользу одаренного не возникает в силу самого заключения договора, или же в одно и то же с ним время.

Официальное, а, следовательно, нотариальное засвидетельствование подписи под договором отдачи в наем или в аренду обеспечивает права нанимателя или арендатора на случай отчуждения предмета найма или аренды.

Специальным правилом введена форма нотариального акта для заключения договора о пожизненном содержании, но правило это едва ли имеет в данное время практическое значение, ибо такого рода договор об отчуждении недвижимости взамен за пожизненные повинности в пользу отчуждателя подлежит обязательному облечению его в форму нотариального акта уже в силу того, что предметом его является переход недвижимости.

Довольно широкий об'ем деятельности предоставляет нотариусам наследственное право. Итак, духовные завещания, совершаемые нотариусами, приобретают свойства гласного публичного документа. Несовершеннолетний

в возрасте 16 лет от роду вправе уже делать завещательные распоряжения, но только в присутствии нотариуса (за исключением предусмотренных законом особенных завещаний, совершенных в случае угрожающей их жизни опасности).

То же правило применяется и к завещательным распоряжениям глухих и немых, с тем различием однако, что кроме особенных завещаний вправе они составлять также завещания собственноручные. Нотариусы сотрудничают с судами в области обеспечения наследств и составления инвентарных описей, в качестве т. наз. судебных органов, и наравне с судами принимают от наследников в порядке наследственного производства из'явленные ими уверения в доказательство того, что не существует каких-либо других призванных к наследованию лиц кроме тех, чьи наследственные права уже заявлены.

Во всех тех случаях, когда данное действие должно быть оформлено посредством нотариального акта, та же форма требуется и для доверенностей, совершаемых с целью использования при тех же действиях.

В дальнейшем и Торговый Кодекс тоже заключает ряд правил по применению нотариальной формы.

Так, необходима она для учреждения командитного общества (товарищества) и товарищества с ограниченной ответственностью. Постановления собрания участников должны быть за протоколированы нотариусом, поскольку касаются они изменения договора товарищества, или же должны лечь в основу такого юридического действия, которое для своей законной силы требует нотариального акта.

Та же форма неизбежна и при учреждении акционерного общества. Постановления общих собраний акционерных обществ поражены недействительностью, если их протоколов не вел на собрании нотариус.

Кроме вышеупомянутых условий необходимости нотариальной формы, Торговый Кодекс заключает правила о совершении действий в той же форме и в тех случаях, когда это хотя и необязательно, однако гарантирует стороне известные выгоды. Итак, если отчуждение предприятия зарегистрированного купца состоялось в форме нотариального акта, то ответственность приобретателя ограничивается лишь теми обязательствами предприятия, которые возникли до совершения договора об отчуждении.

Сверх сего, приобретатель может признать для себя необязательными в этом случае те относящиеся к предприятию договоры, о которых во время приобретения предприятия ему не было известно, или же знать о них он не был обязан.

В действия нотариуса включаются также протесты векселей (впрочем, в известных пределах таковые совершаются также и почтовыми учреждениями), warrants, чеков и иных документов.

Всекие функции вверены нотариусам в области фискально - налоговой. При каждом совершаемом им действии нотариус взыскивает причитающийся налог с перехода имущественных прав, казенный (гербовый) сбор, а также авансы в счет подоходного налога с прибыли, получаемой продавцом в виде разницы между прежней покупной ценой предмета договора и теперешней его продажной ценой по сему же договору.

В заключение приведенных данных и соображений следует отметить, что функция нотариата, как и всякого, впрочем, института публично-правового порядка стоит в зависимости от общественной потребности, удовлетворение коей составляет его задачу.

Эта общественная потребность в свою очередь связана с господствующим государственным строем, его переменами и путями развития.

Естественно, что эти моменты должны оказывать решающее влияние на ту или иную форму и круг деятельности нотариата.

ОХРАНА ТОВАРНЫХ ОБРАЗЦОВ И ЗНАКОВ В ПОЛЬШЕ

В № 3—4 (6) „Обзора Польского Законодательства“ за 1948 год была помещена статья о польском патентном праве, которая главным образом была посвящена вопросу об охране изобретений. Продолжением этой статьи являются предлагаемые ниже очерки об охране прикладных (утилитарных) и декоративных образцов и об охране товарных знаков в Польше.

В стране победившего социализма — СССР, при наличии советской культурной торговли и в связи с сокращением количества производителей, уменьшается и число предъявляемых к регистрации товарных знаков. Если же там и существует еще заявка государственной промышленностью своих знаков, то такая диктуется в большинстве случаев необходимостью их регистрации за границей для обеспечения вывозимой продукции: по международному праву регистрации товарного знака в иностранных государствах должна предшествовать регистрация этого знака на родине.

Желая познакомить наших читателей с действующим у нас законодательством по этим вопросам, мы и предлагаем их вниманию печатаемые ниже очерки.

I

Прикладные образцы и образцы декоративные

Закон об охране прикладных (утилитарных) и декоративных образцов составляет вторую часть распоряжения Президента Польской Республики от 22 марта 1928 года (Журн. Зак. № 39, гл. 384). До сих пор этот закон не подвергся реформе, которая соответствовала бы нынешнему социальному и экономическому строю Польши. Незначи-

тельные лишь изменения вводит декрет от 15 марта 1948 года (Журн. Зак. П. Р. № 44, гл. 315).

Зато громадное значение имеет новелла от 21 декабря 1949 года (Журн. Зак. П. Р. № 63, гл. 496) об изобретениях и прикладных образцах, касающихся обороты государства. Этот закон обеспечивает права государства на изобретения и прикладные образцы, которые имеют значение для обороны государства и должны храниться в тайне. Однако эта новелла не касается вовсе товарных знаков и декоративных образцов (не утилитарных). Кроме того, она не вводит никаких принципиальных перемен социального характера.

Таким образом, закон от 22 марта 1928 года продолжает действовать, причем следует подчеркнуть его значение для владельцев заграничных знаков.

Субъект и основные черты охранного права

Образец, как предмет правовой охраны, является либо прикладным, т. е. утилитарным, если он вызывает „увеличение пользы, выгоды“ от продукта (товара), для которого он предназначен, либо же декоративным, если преследует только цель украшающую, художественную.

Чтобы быть предметом охраны, образец во всяком случае должен содержать в себе признак новизны как в форме или рисунке, так и в цвете или материале. Описание образца, показ или опубликование до заявки его в Патентном Управлении с целью регистрации лишает его признака новизны.

Исключением из этого принципа является показ образца на выставке внутри страны на основании специального распоряжения ве-

домственного министра, либо на внешних выставках в государствах, принадлежащих к Международному Союзу по охране промышленной собственности. Предъявленный к регистрации за границей образец перестает считаться новым и подлежащим регистрации внутри страны по истечении шести месяцев, конечно, при условии взаимности в отношении к праву на охрану польского гражданина.

Лишены права на охрану тождественные образцы, уже кем-либо другим заявленные, образцы, противоречащие принципам нравственности, постановлениям других законов, нарушающие права других лиц, и образцы, совершенно неприменимые в промышленности.

Новелла от 22 декабря 1949 года содержит следующее постановление: „Автор или авторы изобретения или прикладного образца, касающегося обороны государства, как польские граждане, так и постоянно проживающие в Польше иностранцы, либо их правопреемники, — обязаны немедленно заявить с соблюдением тайны об изобретении или прикладном образце в Патентное Управление Польской Республики, или же довести об этом до сведения Министра Национальной Обороны. Равным образом эти лица могут сделать заявку об изобретении или прикладном образце в Патентном Управлении и одновременно довести до сведения Министра Национальной Обороны”.

Польское право различает независимые и зависимые образцы. Разница между ними основана на том, что пользование зависимым образцом допускается при условии, что а) образец зарегистрирован, б) для данного образца действует охрана по авторскому праву или же по патенту на изобретение, либо в) имеет место более ранняя регистрация для другого лица.

Наконец, не подлежат охране образцы, принадлежащие лицам, которые пользуются ими на территории, входившей раньше в состав другого государства, прежде чем они были внутри страны зарегистрированы. В таких случаях пользование охранным правом таким лицом, называемым **предшествующим утилизатором**, ограничено объемом и пределами действительного пользования образцом и обусловлено выпуском в предприятия, для которого образец предназначен. Для регистрации такого образца в пользу утилизатора необходимо удостоверить это фактическое положение публичным документом или же письмом с официально удостоверенной подписью утилизатора.

Для определения, кому из заявителей данного образца для регистрации принадлежит первенство (приоритет), решающим является момент заявки этого образца в польском Па-

тентном Управлении. В виду того, что Польша состоит членом Международного Союза по охране промышленной собственности, она пользуется привилегией первенства при определении срока заявки.

По этому вопросу следующим образом постановляет ст. 96 (2): „Лицо, в установленном порядке внесшее заявление относительно выдачи патента или регистрации прикладного образца в одном из государств, принадлежащих к Международному Союзу по охране промышленной собственности, или же его правопреемник пользуется при заявке прикладного образца в Польше, с соблюдением прав третьих лиц, правом первенства, основанным на заграничной заявке”.

В этом случае заинтересованное лицо должно внести в Патентное Управление заявление о регистрации образца в течение двенадцати месяцев со дня первоначальной заграничной заявки, т. е. не позднее дня и месяца, соответствующего дате первоначальной заявки, а если этот день является не присутственным в Патентном Управлении, — то в ближайший присутственный день.

Субъектом правовой охраны является автор (создатель) образца или его правопреемник, и только он может предъявить образец к регистрации.

Закон рекомендует регистрационным органам считать, что владельцем образца является тот, кто первый сделал о нем заявку, доказательство же противного лежит на заинтересованном лице в порядке спора о праве собственности на образец, о праве на регистрацию или перерегистрацию в его пользу и на возмещение убытков.

Здесь следует подчеркнуть, что собственником образца, обладающим правом на его регистрацию, является любой рабочий или служащий частного или публично-правового предприятия, который лично создал этот образец, работая в данном предприятии.

Об этом со всей определенностью говорит ст. 103, гласящая: „Труженик, занятый в предприятии (также и в государственном предприятии), имеет право на получение регистрации на основании созданного им в этом предприятии образца. Он не может лишиться этого права, разве что заключил с работодателем договор относительно работы по составлению образцов. Однако работодатель имеет право осуществлять производственным образом вытекающее из регистрации образца право на основании лицензии, каковая, в случае отсутствия согласия собственника зарегистрированного образца, может быть приобретена в принудительном порядке (ст. 106), если замысел находится в сфере производства предприятия. При наличии договора с работником относительно работы по со-

ставлению образцов, право на получение регистрации образца принадлежит работодателю, если не оговорено иначе в договоре. Однако в том случае, если установленное договором вознаграждение окажется несоразмерно низким по сравнению с достигнутой работодателем благодаря этому замыслу выгодой, работник может требовать справедливого увеличения вознаграждения. Договор, который лишает автора образца права выступать в таком духе, является недействительным”.

Согласно новелле от 22 декабря 1949 года указанные выше права работников подвергаются точно таким же ограничениям, как и права всех других авторов образцов, а именно: работник обязан соблюдать тайну при составлении образцов оборонного характера и без согласия соответствующей власти, т. е. Министра Национальной Обороны, не может получить регистрации. Зато он пользуется правом на вознаграждение (ст. 4 и 9).

Кроме автора или его правопреемника, субъектом права на регистрацию образца и его охрану может быть Государство, представляемое Министром Национальной Обороны, которому принадлежит право либо затребовать регистрацию данного прикладного образца либо передачи уже совершенной для автора регистрации вместе с обозначением и соблюдением тайны образца.

В этом направлении прежние правила дополнены упомянутой уже новеллой от 22 декабря 1949 года. Эта привилегия, предоставляемая Государству законодателем, мотивируется интересами обороны страны и распространяется также и на иностранцев. Мотивы к ст. 3 новеллы гласят: „Постановления этой статьи должны предотвратить передачу за границу изобретений и прикладных образцов, касающихся обороны Государства, осуществленных в Польше (как польскими гражданами, так и иностранцами, постоянно проживающими в Польше), а также осуществленных за границей временно пребывающими там польскими гражданами. Указанные выше изобретения и прикладные образцы лишь в том случае будут обладать полной ценностью и значением, если составят исключительную тайну Государства и не дойдут до сведения иностранных государств. Признано, что единственно Министерство Национальной Обороны может выдавать разрешения на заявку такого рода изобретений и прикладных образцов за границей”.

Объект охраны и собственность на право (лицензии)

Объектом правовой охраны в первую очередь являются зарегистрированный образец и в зависимости от распоряжения его собственника — так наз. зависимый образец, о котором уже была речь выше, и доброволь-

ная лицензия или же принудительная лицензия. Первая основана на предоставлении в письменной форме собственником образца другому лицу права пользоваться полностью или частично его правами на этот образец, вторая же основана на такой же возможности, но не по добровольному соглашению, а на основании определения Патентного Управления.

Кроме регистрационной и процессуальной деятельности, Патентное Управление осуществляет также и контрольную деятельность, выражающуюся в том, что оно ведет контроль за правильностью произведенной уже регистрации, за надлежащим осуществлением права на образец и, наконец, за правильностью использования как добровольной, так и принудительной лицензии. Если в течение установленного законом срока не предпринимается производства образца внутри страны, то это влечет за собой передачу лицензии.

Чтобы лицензия была действительной и имела правовую основу, она должна быть внесена в реестр образцов. Связанный с данным предприятием образец не может быть объектом оборота без этого предприятия. Привилегия права на защиту остается в силе без дальнейших ограничений, однако при обязательном условии соблюдения правил о регистрации и формы (письменных доказательств).

Что касается принудительной лицензии, то Патентное Управление (отделение по спорным делам) может предоставить её только в том случае, если собственник образца не исполнил своего долга по выпуску в Польше образца производственным образом и „в таком объёме, каковой в состоянии приблизительно удовлетворить внутренний спрос”.

Принудительная лицензия предоставляется также и в том случае, если собственник образца допустил упущение в указании личности обладателя лицензии установленным законом образом. Необходимо отметить, что отсутствие обладателей лицензии может повлечь за собой прекращение права на охрану образца по распоряжению Патентного Управления или же по заявлению любого лица, хотя бы даже непосредственно в этом незаинтересованного.

Споры между сторонами, т. е. между собственником права на образец и обладателем принудительной лицензии разрешаются Патентным Управлением.

Сущность и способ охраны — спорное производство

Охрана права на образец основана на том, что Государство, предоставляя собственнику исключительность использования его с правом уступки его другому лицу, дает ему, т. е. собственнику, возможность недопускать до

нарушения этого права двояким образом: без вмешательства собственника либо же по его требованию. В первом случае, т. е. без вмешательства потерпевшего, охрана права на образец выражается в том, что Патентное Управление (регистрационное отделение) должно следить за сохранением первенства в отношении соблюдения срока регистрации образца, решает вопрос о том, пригоден ли к регистрации заявленный образец, свободен ли он и, наконец, не нарушает ли заявитель (заявкой образца для регистрации) права на охраняемый для кого-либо другого образец. Контроль за выпуском прикладного образца производится контрольным отделением по должности или же по заявлению стороны.

Если же собственник зарегистрированного образца или внесенный в реестр его право-приобретатель, т. е. арендатор либо обладатель лицензии, желают добиться охраны своих прав, то должны выступить с соответствующим ходатайством. Независимо от требования применения уголовных санкций, это вмешательство основано также на праве вносить в Патентное Управление (отделение заявок) соответствующие предложения. Предложения эти сводятся к требованиям принять заявку и зарегистрировать образец и частноправовые сделки, выдать охранное свидетельство, дата составления которого является началом возникновения права собственности, затем исключить из реестра, произвести изменения, обжаловать решения первой инстанции и т. п.

Охраняя право на образец, заинтересованное лицо может применить процессуальный порядок путем подачи в Патентное Управление (отделение по спорным делам) жалобы, а в случае надобности подачи также апелляционной жалобы в апелляционное отделение того же Управления. Процесс происходит в порядке открытого судебного разбирательства.

Окружному суду подсудны только такие дела этой категории, в которых затрагиваются вопросы собственности и другие вещные права, а также дела о нарушении этих прав и возмещении убытков.

Уголовная ответственность за нарушение прав на образец влечет за собой по закону наказание денежным штрафом или заключением под арест, либо же оба эти наказания вместе. Преследование виновника возбуждается судом не иначе, как по заявлению потерпевшей стороны.

В обоих случаях, т. е. как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве, ответчик либо обвиняемый могут защищаться возражением, что права на образец вовсе не существуют, следовательно, он не подлежит охране, и что он был зарегистрирован неправильно. В этом случае суд приостанавливает дело производством до получения от Патентного Управления правомочного определения по этому вопросу.

К числу разрешаемых Патентным Управлением процессов об образцах в первую очередь следует отнести споры по жалобам о признании образца недействительным, затем о прекращении права на его регистрацию, признании первенства или об ограничении права исключительности образца.

Наконец, важное значение имеет здесь предусмотренная законом защита промышленной и торговой свободы. Основана она на том, что „Если кто-либо, ведя промышленность или торговлю, незаконно вторгается в сферу исключительности, вытекающей из регистрации образца, или же иным образом, противным закону и добрым нравам, наносит вред лицу, пользующемуся правом на зарегистрированный образец, то должен прекратить нарушение, выдать незаконное обогащение за последние три года и, кроме того, если его действия были вызваны злыми намерениями или очевидным нерадением, возместить все убытки пользующемуся правом и дать ему удовлетворение за личный ущерб путем опубликования приговора в газетах, путем соответствующего публичного заявления и в случае умышленного нарушения — уплаты пени. Вместо указанных имущественных возмещений потерпевший может потребовать уплаты огульной денежной суммы, не превышающей 80.000 злотых; сумму эту назначает суд по своему усмотрению”.

Для предъявления притязаний по поводу нарушения прав, связанных с регистрацией образца, существует трехлетняя давность, каковая считается отдельно по каждому незаконному деянию (ст. 111 декрета от 30 ноября 1945 года).

Любое лицо может также внести жалобу с требованием аннулирования регистрации образца или прекращения права, вытекающего из регистрации прикладного образца. Особые права в этом отношении имеет Генеральная Прокуратура, действующая от имени Государства в общественных интересах. Споры этого рода разрешает Патентное Управление в двух инстанциях: по отделению по спорным делам и по апелляционному отделению.

Судебная компетенция ограничивается только делами о нарушении прав на образец, т. е. о нанесении материального ущерба собственнику образца или обладателю лицензии. Судебное вмешательство (окружных судов) бывает двояким: либо уголовным в связи с определением возмещения убытков, либо же только гражданским.

* * *

Заканчивая наш краткий очерк об охране изобретений, образцов и товарных знаков, приводим ниже следующие распоряжения исполнительного характера, связанные с этой охраной:

1) о необходимых доказательствах в случае заявки в Патентном Управлении изобретения, образца или товарного знака со ссылкой на показ его на публичной выставке за границей, в одном из государств, входящих в Международный Союз по охране промышленной собственности (распоряжение от 2 июня 1928 г., Журн. Зак. П. Р. № 58, гл. 548),

2) о способах внесения пошлин, предусмотренных законом об охране изобретений, образцов и товарных знаков (распор. от 27 апреля 1928 г., Журн. Зак. П. Р. № 50, гл. 486),

3) об установлении классов товаров применительно к товарным знакам (распор. от 27 апреля 1928 г., Журн. Зак. П. Р. № 50, гл. 487),

4) об установлении классов товаров применительно к декоративным образцам,

5) о публичном пользовании знаками отличия, употребляемыми за границей на хозяйственных выставках (закон 1931 года гл. 813).

Все указанные выше распоряжения ведомственных министров основаны на обязательстве придерживаться постановлений международной Парижской Конвенции от 20 марта 1883 года об охране промышленной собственности в редакции, пересмотренной в Брюсселе, Вашингтоне и, наконец, в Гааге 6 ноября 1925 года, к каковой конвенции примкнула Польша, ратифицируя закон от 17 марта 1931 года (Журн. Зак. П. Р. № 2 за 1932 г., гл. 8).

В частности на практике, между прочим, применяются следующие постановления указанной выше конвенции:

ст. 4 а. Лицо, согласно правилам внесшее заявление о выдаче патента на изобретение, о регистрации прикладного образца, рисунка или промышленной модели в одной из стран, заключающих договор, либо его правопреемник, пользуется при заявке в других странах, с соблюдением прав третьих лиц, правом первенства в указанные ниже сроки.

б. Вследствие этого совершенная позже в одной из стран, принадлежа-

щих к Союзу, до истечения этих сроков заявка не может быть аннулирована совершенными за это время фактами, как-то: другой заявкой, опубликованием изобретения или осуществлением его, выставкой экземпляров рисунка или модели для продажи, употреблением знака.

в. Указанные выше сроки первенства будут действовать: двенадцать месяцев — для патентов на изобретения и прикладные образцы и шесть месяцев — для рисунков и промышленных моделей, а также фабричных и торговых знаков. Во всех странах, принадлежащих к Союзу, будет охраняться торговое название, без обязанности заявки или регистрации, независимо от того, составляет ли оно часть фабричного или торгового знака.

ст. 8. Во всех странах, принадлежащих к Союзу, будет охраняться торговое название, без обязанности заявки или регистрации, независимо от того, составляет ли оно часть фабричного или торгового знака.

ст. 11. Заключающие договор страны предоставят, в соответствии со своим внутренним законодательством, временную охрану патентоспособным изобретениям, прикладным образцам, промышленным рисункам и моделям, а также фабричным и торговым знакам, для изделий, которые будут помещены на официальных или признанных официальными международных выставках, устраиваемых на территории одной из стран".

Польская Республика является также партнером специального договора по борьбе с поддельным обозначением происхождения товаров, известного под именем Мадридского Соглашения от 4 апреля 1891 года. Ст. 4 этого соглашения, подвергнувшегося пересмотру в Вашингтоне, а затем в Гааге (8 ноября 1925 года), гласит:

„Определение того, какие названия, вследствие своего видового характера, не подлежат постановлениям настоящего соглашения, принадлежит судам каждой страны; однако указанная в настоящей статье оговорка не касается региональных названий места происхождения винных продуктов”.

II

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОХРАНЫ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В ПОЛЬШЕ

В связи с происшедшими в Польше переменами в социальном и хозяйственном укладе, в значительной степени утратил свое первоначальное значение закон об охране товарных знаков, основанный на распоряжении Президента Республики от 22 марта 1928 года (Журн. Зак. П. Р. № 39, гл. 384).

В новом обобщественном хозяйствовании, т. е. в деле производства и сбыта материальных благ, не может быть уже речи об оказании помощи соревнующимся частным предприятиям и коммерческим фирмам, об оказании помощи в укреплении свободной конкуренции; зато здесь выступает вопрос о движении морального элемента в товарообо-

роте, о добросовестности в торговле путем пресечения злоупотреблений, направленных на введение потребителя в заблуждение.

Что касается охраны прав иностранных владельцев товарных знаков, то таковая охрана продолжает оставаться в силе, так как она основана на международных соглашениях, вследствие принадлежности Польши к Международному Союзу по охране промышленной собственности с его Парижской и Гаагской конвенциями.

Поэтому закон об охране промышленных прав пока не подвергся изменениям, за исключением мероприятий, касающихся только государственных и коммунальных предприятий.

Приводим ниже основные принципы этого действующего до настоящего времени закона.

Отличительные признаки товарных знаков

Прежде всего, следует отметить, что товарный знак должен быть оригинальным, т. е. еще не зарегистрированным и никем неупотребляемым, хотя бы даже и без регистрации. Такой знак можно употреблять только для такого рода товаров, для которых он предназначен; употребление же его для других товаров не допускается. Не разрешается пользоваться знаками, имеющими безнравственное значение или содержание, либо же определено запрещенное законом. В частности закон точно перечисляет, какие знаки не подлежат регистрации и не могут употребляться. Не допускается регистрация точно такого же или очень похожего знака для такого же самого продукта.

Регистрация знака

Регистрация товарного знака производится Патентным Управлением Польской Республики, которое состоит из трех отделений: регистрационного, по спорным делам и контрольного.

Охрана права на знак начинается со дня производства регистрационной записи, первенство же по этому праву — с момента заявки в Патентном Управлении. Кроме того, первенством пользуются знаки на предметах, экспонированных на внутригосударственных и международных выставках государствами, принадлежащими к Международному Союзу по охране промышленной собственности (в случае предоставления такой льготы ведомственным министерством).

Вопрос о регистрации товарного знака за границей регулируется ст. 182 п. 4 закона, которая гласит:

„Внесший с соблюдением правил заявление о регистрации товарного знака в одном из государств, принадлежащих к Междуна-

родному Союзу по охране промышленной собственности, либо его преемник будет пользоваться — при соблюдении прав третьих лиц — правом первенства, основанного на этом заявлении, если в течение трех месяцев со дня первоначального заграничного заявления подаст в Патентное Управление прошение о регистрации знака; если последний день этого срока будет днем неприсутствия в Патентном Управлении, то упомянутое прошение можно еще внести в ближайший присутственный день Управления”¹⁾

Собственность и передача права на товарный знак

В отличие от патентов на изобретения и от охраняемых регистрацией образцов, товарные знаки теснейшим образом связаны не только с родом находящегося в обращении продукта, но также и с соответствующим производящим предприятием.

В интересах укрепления доверия к добросовестному обороту и сбыту товаров, с целью защиты потребителя от преступных и вредных для него подделок под известный и общепризнанный доброкачественный товар путем использования его товарного знака — польский законодатель нормировал вопрос о товарном знаке отлично от иностранных законодательств. Передача знака может быть совершена только совместно с передачей соответствующего производственного заведения, как отдельного предприятия. Иного способа преемства, например, уступки права на знак или предоставления добровольной или принудительной лицензии, закон не предусматривает.

Брешь в этом принципе сочетания знака с производящим товар предприятием пробили хозяйственные преобразования в Польше и в частности открытие государственных или обобщественных многоцеховых и многолапочных предприятий. Это обстоятельство повлекло за собой необходимость некоторого ослабления строгих ограничений в деле передачи охранных знаков, причем принимаются во внимание социальные свойства данного предприятия.

¹⁾ Необходимо напомнить, что Польша подписала в Нэшатель 8 февраля 1947 года международное соглашение о сохранении и восстановлении промышленной собственности, нарушенной Второй мировой войной; в силу постановления Сейма это соглашение было ратифицировано Президентом Республики 3 декабря 1947 года (Журн. Зак. П. Р. № 17, гл. 115). Об этом мы уже писали в статье „Охрана изобретений”, помещенной в № 2 нашего журнала за 1948 год. Между прочим, указанное выше соглашение содержит весьма широкие льготы по восстановлению сроков, предусмотренных для производства регистрации.

С этой целью распоряжение Государственной Комиссии Хозяйственного Планирования от 8 августа 1949 года разрешает государственным, коммунальным и обобщественным предприятиям снабжать производимые ими товары товарными знаками, как-то: рисунками, этикетками, лозунгами, буквами, числами, пластическими формами и тому подобными знаками, которые дают возможность отличать вырабатываемые или продаваемые предприятием товары от товаров, производимых или продаваемых другими предприятиями.

Обращают на себя внимание и другие постановления указанного распоряжения, выражающие правовую точку зрения хозяйственных органов по вопросу об охране товарных знаков в отношении обобщественных предприятий. Они резко отличаются от тех условий, которые предоставлены частным предприятиям законом об охране промышленных прав, а именно — неизменным материально до настоящего времени распоряжением Президента Польской Республики от 22 марта 1928 года.

Приводим здесь наиболее характерное постановление: „В случае совершения перемен в вещных правах предприятий, в пользу которых был зарегистрирован товарный знак, в особенности же перемен, вытекающих из формальной передачи предприятия в собственность государству или включения предприятия в другое предприятие обобщественного хозяйства, а также перемен, касающихся наименования (фирмы), местопребывания и других определений предприятия, — должны быть направлены в Патентное Управление Польской Республики заявления о внесении этих перемен в реестр товарных знаков, согласно с предписаниями распоряжения Президента Республики от 22 марта 1928 года об изобретениях, образцах и товарных знаках.

Охрана прав, вытекающих из регистрации товарного знака и охрана коммерческой свободы

Подобно тому, как и в отношении охраны патентов и зарегистрированных образцов, закон допускает два способа охраны зарегистрированного надлежащим образом и законно товарного знака.

Первый способ — это карательные меры: заключение под арест или штраф, либо оба эти наказания вместе. Налагает эти наказания окружной суд по месту совершения преступления. В отличие от охраны патентов и образцов, преследование совершается по должности, т. е. выступлением публичного обвинителя, а не по частной жалобе потерпевшей стороны. Однако преступление должно содержать признаки незаконного, умыш-

ленного нарушения права исключительности, установленной регистрацией знака, или же присвоения себе права на регистрацию знака.

Ст. 190 распоряжения об охране товарных знаков от 22 марта 1928 года гласит:

„Если ведущий промышленное или торговое предприятие умышленно и незаконно вторгается в сферу исключительности, вытекающей из регистрации товарного знака, либо присваивает себе право на регистрацию знака, то он подвергается денежному взысканию до 75.000 злотых или заключению под арест сроком до шести месяцев, либо обоим наказаниям вместе. Преследование ведется по публичному обвинению”.

Независимо от уголовно - судебного производства, потерпевшая сторона может возбудить в окружном суде гражданский иск с требованием: 1) прекращения нарушения её прав, 2) выдачи прибыли вследствие незаконного обогащения в течение последних трех лет и 3) при наличии злой воли или большой небрежности, возмещения всяческих убытков, которые могут быть выражены даже огульной суммой.

Кроме указанной выше уголовной ответственности, виновный в умышленном нарушении чужого права на законно зарегистрированный товарный знак может быть привлечен к ответственности на основании специального закона о „борьбе с недобросовестной конкуренцией” от 2 августа 1926 года (Журн. Зак. П. Р. № 96, гл. 559).

Этот закон охватывает значительно шире своей опекой как внутренний товарооборот, так и внешнюю промышленность и торговлю.

Потерпевшему предоставлено право требовать от виновника и его сообщников солидарно полного удовлетворения и возмещения убытков за незаконное деяние. Преступное деяние должно выражаться в сознательном введении публички или покупателей в заблуждение знаками или другими рисунчатыми, пластическими, цифровыми, словесными или красочными обозначениями, помещенными на товарах или иных предметах, которыми пользуется предприятие. В таких случаях суд может по должности вынести определение о публичном исправлении ошибки, конечно, за счет виновного. Потерпевшая сторона, поскольку ей известно о нарушении запрещений публично - правового характера, может ограничиться пред'явлением исковой претензии в порядке гражданского судопроизводства и отказаться от уголовно - процессуального производства.

Выступление Патентного Управления в защиту прав, установленных законом, не имеет в виду ни права собственности на знак, ни вещных прав, связанных со знаком, и сводится лишь к недопущению, по должности или же по заявлению, к регистрации уже за-

регистрированного знака для качественно такого же самого товара или хотя бы в высшей степени похожего, а также к определению, кому принадлежит первенство на знак, подлежащий регистрации.

Более широким объемом компетенции обладает Патентное Управление в вопросах признания недействительности регистрации товарного знака из-за отсутствия условий, требуемых законом для самого знака, или же прекращения их в связи с наступлением известных сроков.

Такую жалобу может подать любое лицо, а от имени государства — Генеральная Прокуратура, так как в данном случае выступает общественный интерес, выражающийся в предоставлении свободы пользования знаком, который не должен быть использован только индивидуально. Признание знака свободным влечет за собой прекращение регистрации.

В связи с этим правилом находится предоставление любому лицу, следовательно, и вообще незаинтересованному непосредственно, права подачи в Патентное Управление (отделение по спорным делам) заявления об определении, что „товарный знак, которым намерено в своем предприятии пользоваться или же пользуется, не является таким же самым, как указанный знак, зарегистрированный для предприятия, вырабатывающего или продающего товары такого же рода”.

Определения Патентного Управления, вынесенные в процессуальных спорах, могут быть обжалованы каждой из сторон в двухмесячный срок в апелляционное отделение того же Управления. Это может сделать также и Генеральная Прокуратура от имени государства, соблюдая общественный интерес. Производство в первой и второй инстанции ведется по тем же нормам, по которым ведутся гражданские процессы в общих судах.

Что касается правового положения германских образцов и знаков, зарегистрированных в польском Патентном Управлении, то этот вопрос до момента заключения мирного трактата разрешается лишь временным образом и в соответствии с постановлениями, принятыми Международным Союзом по охране промышленных прав. Во всяком случае в этих вопросах имеет принципиальное значение декрет от 15 ноября 1946 года о наложении ареста на имущество государств, находившихся в состоянии войны с Польшей в период от 1939 года по 1945 год, и на иму-

щество юридических лиц и граждан этих государств.

В силу этого декрета все движимое и недвижимое имущество, следовательно, и все имущественные права и привилегии, подвергаются обложению арестом, обеспечению и принудительному управлению. Всякие распоряжения владельцев являются недействительными в силу самого закона, разве что были возобновлены торговые и финансовые отношения после 5 мая 1945 года. Кроме того, правительство может изъять из-под действия этого закона некоторые роды имущества.

В предприятиях, переходящих в собственность государства на основании закона от 3 января 1946 года о передаче в собственность государству основных отраслей народного хозяйства, право на пользование товарным знаком, как одной из составных имущественных частей, переходит со всей совокупностью в пользу государства. Однако совершенно правильно введены ограничения в пользовании знаками:

- а) содержащими выражения на немецком языке,
- б) принадлежащими иностранным предприятиям или же указывающими на связь с этими предприятиями,
- в) содержащими фамилии, портреты или фирмы прежних владельцев, либо нарушающими право на фамилии, портреты или фирмы других лиц.

Тем не менее в исключительных случаях, при отсутствии существенных правовых препятствий, допускаются отступления от указанных выше норм, когда может возникнуть серьезная польза для товарооборота.

Как мы уже указали, охрана промышленных прав в Польше, основанная на законе 1928 года, не учитывает в полной мере общественного интереса, который в новом социальном строе Польши выдвигается на первое место в ряду хозяйственных проблем.

Нынешнее законодательство стремится к тому, чтобы обеспечить специальную опеку в первую очередь коллективным учреждениям, т. е. государственным, коммунальным и обобщественным, отдельным же личностям — лишь постольку, поскольку их интересы не противоречат интересам общественности.

Поэтому несомненно можно ожидать в ближайшее время реформы этого закона во всех его видах.

ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНАХ О КООПЕРАЦИИ

Законом от 20 декабря 1949 года (Журн. Зак. П. Р. № 65) введены изменения в закон от 29 октября 1920 года о кооперативах и в закон от 21 мая 1948 года о Центральном Кооперативном Союзе и кооперативных объединениях.

Ст. 1 означенного закона содержит многочисленные изменения закона о кооперативах 1920 года, ст. 4 — небольшие изменения закона от 21 мая 1948 года о Центральном Кооперативном Союзе и кооперативных объединениях, а ст. 5 и 6 — постановления относительно кредитных кооперативов, основанные на предписаниях декрета о реформе банковского дела от 25 октября 1948 года (Журн. Зак. П. Р. № 52, гл. 412).

Действовавший до принятия указанных выше изменений закон 1920 года о кооперативах не отвечал уже условиям, в которых рабствует и развивается кооперация в народно-демократическом государстве.

Отмена этого закона и замена его новым признана несвоевременной, так как до сих пор еще не завершена перестройка кооперации, ведущаяся полным ходом. Поэтому явилось необходимым временное осуществление изменений закона 1920 года с целью отмены либо замены тех постановлений, которые тормозили процесс перестройки кооперации. Ведь функции кооперативов в системе планового хозяйства совершенно иные, нежели в либерально-капиталистическом строе, в котором появился закон 1920 года. Целью кооператива в либерально-капиталистическом строе было увеличение прибылей или хозяйства **членов кооператива** путем ведения общего хозяйства; в системе же планового хозяйства кооператив является в первую очередь одним из исполнителей народно-хозяйственного плана, действует для блага всего государства и лишь косвенным образом — в пользу своих членов. В этом духе новый закон и изменил определение кооператива, содержащееся в ст. 1 закона 1920 года.

Закон 1920 года предусматривал либо ответственность члена паями, либо дополнительную ответственность, ограниченную паявым множителем, либо, наконец, неограниченную ответственность членов.

Дополнительная ответственность не соответствует социальному укладу народно-демократического государства. В настоящее вре-

мя членами кооператива являются преимущественно люди труда, не обладающие имуществом, которых нельзя обременять дополнительной ответственностью за убытки кооператива; кроме того, за хозяйничанием кооперативов наблюдают теперь вышестоящие кооперативные организации и государственные органы, которые предотвращают убытки.

Поэтому новый закон отменяет все постановления закона 1920 года, касающиеся дополнительной ответственности, и устанавливает, что параграфы устава кооперативов, существующих в день вступления в силу нового закона, об ответственности, превышающей заявленные пай, лишаются обязательной силы.

Возникли новые типы кооперативов (например, земледельческие производственные кооперативы, некоторые трудовые кооперативы), организация которых не предусмотрена жесткими постановлениями закона 1920 года об одинаковом размере всех паев, о добровольной заявке членом большего количества паев и об ограничении прав членов рамками внесенных денежных паев.

Вследствие этого возникла необходимость предоставить правовую возможность помещения в уставах таких кооперативов соответствующих постановлений.

Эту возможность предоставляет новый закон, изменивший содержание ст. 16 закона 1920 года. Согласно новой редакции ст. 16, устав может предусматривать пай разного рода и разного размера (например, пай членов семьи в земледельческих производственных кооперативах), устанавливать обязанность заявки членом кооператива большего количества паев по отношению к его имуществу (например, земельной площади, количества коров) или обязанность внесения членами производственного кооператива в кооператив средств производства, составляющих собственность члена (например, земли, орудий, машин, инвентаря и т. п.). В этом последнем случае устав должен содержать правила относительно возврата внесенных вложений при выходе члена из кооператива, в случае его смерти, исключения или закрытия кооператива.

Путем установления в уставе специальных низких паев для домашних члена кооперати-

ва новый закон облегчает массовое введение в сельские кооперативы и потребительские кооперативы женщин и молодежи.

Для предотвращения возможности наложения ареста кредиторами члена на его материальные паи, внесенные в производственный кооператив, новый закон добавляет к ст. 24 закона 1920 года постановление, согласно которому наложение такого ареста без согласия соответствующего кооперативного объединения или Центрального Кооперативного Союза является недопустимым, и отменяет в той же статье постановление о допустимости заявки кредитором члена кооператива изъятия пая.

Новый закон устанавливает, что контрольным органом может быть наблюдательный совет или ревизионная комиссия, к которой относятся постановления закона 1920 года о наблюдательном совете, поскольку устав не определяет иначе. Таким образом, устав может теперь указать, что членом ревизионной комиссии может быть лицо, не состоящее членом кооператива, и, следовательно, возможно введение в ревизионную комиссию лиц, не состоящих членами кооператива, например, членов профессиональных союзов, рад народных, Женской Лиги и т. п.

Кроме того, новый закон устанавливает, что членам кооператива принадлежит первенство перед нечленами в пользовании его услугами с тем, что кооперативные объединения издадут специальные распоряжения в этом смысле.

Ввиду необходимости быстрого проведения реорганизации структуры обобщественного сектора по соображениям планового народного хозяйства, новый закон вводит ряд изменений прежних постановлений закона 1920 года, которые значительно расширяют компетенцию Центрального Кооперативного Союза; в частности эти изменения касаются следующих положений:

1) Весьма важное значение имеет постановление измененной ст. 1 закона, предоставляющее Центральному Кооперативному Союзу право устанавливать для отдельных типов кооперативов так называемые „образцовые уставы”, которые, по распоряжению председателя Государственной Комиссии Хозяйственного Планирования, публикуются в официальном „Польском Мониторе”. Если такой устав опубликован в „Польском Мониторе”, то реестровый суд, который должен внести кооператив в реестр, проверяет единственно соответствие пред’явленного устава опубликованным в „Польском Мониторе” образцовым уставам и при наличии такового соответствия регистрирует кооператив. В таком случае реестровый суд не проверяет соответствия устава закону. Таким образом, новый закон передает выполнявшиеся до сих пор судом обязанности по исследованию со-

ответствия образцового устава закону Центральному Кооперативному Союзу, который вырабатывает образцовый устав. Следовательно, новый закон передает Центральному Кооперативному Союзу функции авторитетного толкования и даже восполнения закона в духе нужд новых типов кооперативов.

2) Новый закон вводит в закон 1920 года после ст. 46 новую статью 46¹, согласно которой не только общее собрание членов кооператива, но и Центральный Кооперативный Союз может по соображениям народного хозяйства постановить переуступку предприятия кооператива хозяйственной организации обобщественного сектора при полном освобождении уступающего кооператива от всякого рода обязательств, или закрыть уступающий кооператив, не производя его ликвидации.

3) Новый закон вводит в ст. 75 абз. 5 новое правило а), согласно которому правление Центрального Кооперативного Союза может закрыть кооператив в том случае, если по соображениям планового народного хозяйства необходимо прекращение ведения кооперативом предприятия, составляющего предмет его деятельности.

4) Новый закон изменяет ст. 108 закона 1920 года об объединении кооперативов в таком духе, что предоставляет Центральному Кооперативному Союзу право, по соображениям планового народного хозяйства, соединять кооперативы в упрощенной форме, без необходимости вынесения постановлений общих собраний объединяющихся кооперативов.

5) Изменяя статьи 57 и 81 закона 1920 года, новый закон предоставляет Центральному Кооперативному Союзу право устанавливать основы распределения чистой прибыли и распределяться остающейся после выполнения обязательств частью имущества ликвидированного кооператива, не обращая внимания на иного рода постановления устава и решения общего собрания.

6) Новый закон предоставляет Центральному Кооперативному Союзу право назначать и увольнять ликвидаторов закрытого кооператива, каковое право по прежней редакции закона 1920 года принадлежало реестровому суду.

7) Изменяя ст. 14 закона от 21 мая 1948 года, новый закон предоставляет Центральному Кооперативному Союзу (Верховному Кооперативному Совету) право изменять в исключительных случаях уставы кооперативных объединений и отменять решения органов кооперативного самоуправления (с’езд делегатов, общее собрание, наблюдательный совет и т. п.) в административном порядке не только по причине несоответствия этих решений закону или уставу, но также и по другим „важным причинам”. До настоящего

времени право отмены таких решений принадлежало только суду и притом лишь в случае несоответствия решений уставу или закону.

8) Восполняя ст. 36 закона от 21 мая 1948 года, новый закон постановляет, что Центральный Кооперативный Союз (Верховный Кооперативный Совет) может уполномочить ликвидационную комиссию закрытого кооператива или хозяйственного объединения к передаче полностью или частично движимого и недвижимого имущества в управление и пользование кооператива или государственного предприятия и к определению условий передачи права собственности на такое имущество, поскольку это будет обосновано нуждами планового народного хозяйства.

Кроме приведенных выше существенных изменений законов 1920 и 1948 годов, приспособляющих их к потребностям текущего момента, новый закон содержит целый ряд более мелких изменений, которые упрощают некоторые предписания закона 1920 года (устранение обязанности публиковать записи в реестр, сокращение сроков для предъявления задолженности во время ликвидационного процесса, перевод пая члена в случае его перехода из одного кооператива в другой и т. п.).

Далее, новый закон вычеркивает целый ряд статей закона 1920 г., устанавливающих наказания за разные преступления, совершенные в связи с деятельностью кооперати-

ва, ввиду того, что эти карательные санкции уже предусмотрены малым уголовным кодексом.

Таким образом, после обнародования нового закона, который вступил в действие со дня его опубликования, источниками кооперативного права в настоящее время являются: измененный закон о кооперативах 1920 года и незначительно измененный закон 1948 года о Центральном Кооперативном Союзе и кооперативных объединениях.

Закон 1948 года главным образом касается организации Центрального Кооперативного Союза и кооперативных объединений и содержит небольшое количество материально-правовых постановлений. Измененный же закон 1920 года содержит преимущественно материально-правовые постановления и наряду с этим некоторые постановления формально-правового характера.

Оба закона возлагают на Центральный Кооперативный Союз заботу об эволюционном развитии кооперативного права и кооперации вообще до того времени, когда будет завершена перестройка структуры кооперации и вообще всего обобществленного хозяйства. Тогда на очередь дня законодательного органа будет поставлена кодификация нового кооперативного закона, содержащего как материально-правовые, так и формально-правовые постановления (до сих пор распыленные в обоих указанных выше законах) и соответствующего духу социалистического строя.

О ПЕРЕМЕНЕ И УСТАНОВЛЕНИИ ИМЕН И ФАМИЛИЙ

Во время длительной войны и оккупации, отличавшейся ужасными гонениями против евреев и поляков, многие лица были вынуждены укрываться от преследований, меняя, между прочим, свои фамилии, пользуясь псевдонимами и т. п. Кроме того, в буре военных разрушений многие польские граждане лишились своих документов, удостоверений личности, паспортов.

Желая найти выход из создавшегося положения, правительство признало необходимым издать декрет от 10 ноября 1945 года, который урегулировал этот важный для общественного порядка вопрос. Впоследствии этот декрет был изменен новым декретом от 28 октября 1947 года.

На основании измененного декрета от 10 ноября 1945 года каждый польский гражданин имеет право переменить имя и фамилию в том случае, если это вызывается важной причиной. Это уже значительное расширение права на перемену фамилии, так как закон 1930 года, действовавший до издания декрета, разрешал перемену фамилии только в том случае, если она была насмешливой или позорящей.

Условием подачи прошения о перемене имени или фамилии является наличие польского гражданства; для лиц же, не являющихся гражданами какого-либо государства, т. е. не имеющих государственной принадлежности, — местожительство на территории польской республики.

Декрет перечисляет причины, дающие право на перемену фамилии, недостаточно исчерпывающим образом. Ст. 3 § 2 декрета гласит: „В частности имеется налицо важная причина в том случае, когда лицо, ходатайствующее о перемене 1) носит фамилию позорящую или насмешливую, либо не соответствующую достоинству человека, 2) пользовалось другой фамилией (военным псевдонимом) в период времени с 1 сентября 1939 года по 9 мая 1945 года, служа в Польском Войске, в союзной армии, в польской военной формации, в партизанском демократическом отряде, боровшемся за независимость Польши, в группе боевой демократической организации, боровшейся против немецких захватчиков, и усердно выполняло свой долг, 3) пользовалось другой фамилией (конспиративным псевдонимом), принимая участие

в подпольной борьбе против немецких захватчиков, 4) пользовалось другой фамилией (охранительным псевдонимом) с целью укрыть себя от насилия немецких захватчиков или их пособников, 5) носит непольскую фамилию, 6) носит фамилию, звучащую, как имя”.

Заявление о перемене фамилии проситель подает органу общей администрации 1-ей инстанции (в уездном масштабе), в округе которого находится его местожительство; если же он не проживает внутри страны, то — по последнему местожительству в Польше; когда и такового нет, соответствующий орган назначает Министр Общественной Администрации.

Орган 1-ой инстанции производит расследование с целью выяснения причин, побудивших просителя обратиться с просьбой о перемене фамилии, после чего пересылает прошение с установленными данными органу общей администрации 2-ой инстанции (в воеводском масштабе), который выносит постановление. В том случае, когда речь идет о перемене военного псевдонима, постановление выносится по получении отзыва Министра Национальной Обороны, который по данному вопросу может снестись с командующим соответствующим военным округом или даже вообще передать ему это дело.

Важнейшими причинами отказа в перемене фамилии являются случаи, когда „сторона стремится получить историческую фамилию или фамилию прославленную на ниве культуры, политической, общественной или военной деятельности, либо же если имеется основательное опасение, что лицо хлопочет о перемене фамилии с целью облегчить себе преступную деятельность, вести недобросовестную конкуренцию, либо имеет намерение уклониться от гражданской или уголовной ответственности” (ст. 7 декрета от 10 ноября 1945 года).

Новая, измененная фамилия целиком заменяет прежнюю, (если заинтересованное лицо не сделало оговорки об оставлении ее наряду с новой, а орган власти эту оговорку утвердил) и переходит также к жене и несовершеннолетним детям. Однако жене предо-

ставляется право не воспользоваться переменной фамилии.

По распоряжению выносящего решение органа власти измененная фамилия записывается в книгу рождений и браков (так называемые книги гражданского состояния) и опубликовывается за счет заинтересованного лица в наиболее распространенной местной газете. При наличии важных причин эти распоряжения могут не выполняться.

Кроме заинтересованного лица, на перемену фамилии имеет право и нисходящий родственник умершего, который пользовался военным или конспиративным псевдонимом; он имеет право хлопотать об изменении фамилии на тот же псевдоним.

Что касается перемены имени, то, кроме таких же причин, которые дают право на перемену фамилии, декрет перечисляет еще следующие важные причины: наличие уменьшительного имени, которое в практике не привилось, или имеет уродливую форму, либо же по своей сущности является фамилией. Органом, выносящим решение о перемене имени, является орган общей администрации 1-ой инстанции.

Заявление о перемене имени или фамилии по причинам, связанным с необходимостью укрываться в период войны от 1939 года по 1945 год, следовало подать до 31 декабря 1948 года (новелла от 28 октября 1947 года).

Установление и предоставление фамилий и имен

При наличии сомнений в правильности произношения или начертания фамилии, установлением этой фамилии занимается орган общей администрации 2-ой инстанции по должности или же по заявлению заинтересованного лица только в том случае, если таковое является польским гражданином или же, проживая в Польше, не имеет гражданства ни одного из государств.

Если нужно дать фамилию лицам или детям неизвестного происхождения, то это выполняет орган общей администрации 2-ой инстанции (воеводской), предоставление же имени осуществляет орган общей администрации 1-ой инстанции.

ЗАДАЧИ ПОЛЬСКОЙ ПАЛАТЫ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Одним из проявлений заботы о расширении и углублении трудов по вопросам, связанным с внешней торговлей, явился декрет от 28 сентября 1949 г. об учреждении Польской Палаты Внешней Торговли.

Палата призвана стать органом для исследований и выражения своих мнений, а также для содействия правительственным учреждениям, в первую очередь Министерству Внешней Торговли, как равно и учреждениям и организациям, ведущим торговые операции и выполняющим связанные с внешней торговлей услуги.

В круг задач Палаты Внешней Торговли входит постепенная разработка отдельных вопросов и постоянное наблюдение, дабы практика применялась к требованиям наиболее выгодного их разрешения. Палата, членами которой по закону от 28 сентября 1949 г. состоят: центральные учреждения внешней торговли, предприятия мореплавания, портовые и международной экспедиции, Польский Народный Банк, Торговый Банк, Всеобщее Учреждение Взаимных Страхований, Общество Перестраховки „Варта” и Сообщество Импортёров и Экспортёров, будет той общей платформой, где все взаимодействующие в деле реализации внешней торговли факторы смогут возбуждать и освещать выдвигаемые ежедневной практикой проблемы.

Освещения эти, дополненные изучением отдельных вопросов, составят вспомогательный материал для решений и распоряжений наших государственных властей.

Уничтожение многих довоенных библиотек и частые послевоенные изменения в области заграничного законодательства явились причиной того, что наше ознакомление с заграничными правилами, регулирующими торговые обороты с заграницей, правилами девиз-

ными, таможенными и т. п. представляется лишь частичным.

Задачей Палаты и будет в этом отношении собирание и постоянное пополнение всех заграничных правил, касающихся области внешней торговли, в пределах практических нужд наших властей и торговых организаций.

Палата должна стать, поэтому, пунктом наблюдений, исследований и подачи своих мнений, с тем, чтобы ее разработки, внушения и мнения способствовали облегчению трудных и сложных заданий тех факторов, от которых зависят решения и выполнение операций.

Вместе с тем Палата призвана также к выполнению и целого ряда непосредственных задач.

Возрастание нашего хозяйственного потенциала, способствующее увеличению количества товаров, избыток которых благоприятствует экспорту, вызывает в то же время необходимость постоянного, систематического и отвечающего руководящим началам нашей торговой политики информирования заграницы о наших экспортных возможностях, а равным образом и о качестве и свойствах предлагаемого товара.

Палата внешней торговли переняла функции Промышленно - Торговой Палаты в области торговли с заграницей, в частности — выдачу свидетельств о польском происхождении товаров, удостоверение фактур, установление и назначение экспертов и т. п.

Преыдущее положение вещей, при котором Промышленно - Торговые Палаты, являясь представительством частного сектора, выполняли в то же время эти функции равным образом и в отношении к полностью обобществленной внешней торговле, представлялось явлением в некоторой степени ненормальным.

ВЫПЛАТЫ ИНОСТРАНЦАМ, РАБОТАЮЩИМ В ПОЛЬШЕ

Девизная Комиссия вынесла следующее постановление (от 13 октября 1949 года № 48) по вопросу об оказании услуг и выплатах в пользу иностранцев, работающих в Польше:

Впредь до отмены разрешается, в соответствии с польскими девизными правилами, польским учреждениям и предприятиям производить иностранцам всякого рода услуги и выплаты в злотых, причитающиеся им за их работу в Польше на основании договоров, не противоречащих действующим в Польше правилам о предоставлении работы иностранцам.

Закрываемые с иностранцами договоры должны содержать оговорку, согласно кото-

рой причитающееся по договору вознаграждение не может переводиться заграницу ни целиком ни частично.

Согласно девизным правилам, договоры о вознаграждении иностранцев за работу в Польше, каковое (вознаграждение) должно быть переведено работодателем полностью или же частично заграницу, могут заключаться исключительно по получении согласия Девизной Комиссии на условия платежей, изложенные в представленном ей проекте договора, по которому должен быть заслушан предварительный отзыв соответствующего ведомственного органа. Это постановление не касается платежей, причитающихся по им-

портным лицензиям Министерства Внешней Торговли.

Заявки о переводе за границу всего или части вознаграждения, установленного договором, одобренным Девизной Комиссией, вносят работодатели, ссылаясь на дату и номер соответствующего решения Девизной Комиссии.

В связи с указанным выше постановлением следует отметить, что:

1) Право на услуги принадлежит только действующим в Польше учреждениям и предприятиям, но отнюдь не частным лицам, даже и обладающим местожительством внутри страны, поскольку они не ведут в ней предприятия;

2) С другой стороны получателем может быть любое физическое или юридическое лицо, которое согласно девизному праву считается в Польше иностранцем. Это те лица, которые не имеют в Польше постоянного местожительства или же постоянного местопребывания, поскольку речь идет об юридических лицах. Следовательно, девизным ино-

странцем может быть также любой польский гражданин, постоянно проживающий не в Польше, а за границей.

3) Об'ектом услуг могут быть только такие предметы, оборот которыми разрешен в Польше. Недопустим, например, оборот золотом, валютой и заграничными ценными бумагами. Что касается денег, то платеж считается легальным только в польской валюте, т. е. злотыми. Зато нет ограничений размера уплачиваемых сумм.

4) Вещевые услуги и платежи считаются действительными, если они причитаются по договору за труд иностранца, разрешенный административными властями как в отношении его рода, так и принимая во внимание выполняющую его личность, т. е. иностранца.

5) Договоры относительно выплат или оказания услуг в Польше должны заключаться в письменном виде и содержать оговорку, согласно которой нельзя переводить вознаграждения за границу.

6) Девизной Комиссии принадлежит право разрешать, по заявлению сторон, перевод такого вознаграждения за границу.

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО НОМЕРА

Польское ипотечное право

Государственно - хозяйственный арбитраж

Польское авторское право

Объект и субъект авторского права

Защита авторских прав и личности автора

Ограничения объема защиты авторских прав

Границы защиты авторских прав во времени

Передача авторского права

Изменения в кодексе гражданского судопроизводства

Порядок производства по делам о супружеских али-
ментах

Признание брака недействительным

Изменения в кодексе уголовного судопроизводства

Руководящие начала отправления правосудия

Изменения в законе об общем судоустройстве

Организация судоустройства

Решения и разъяснения Верховного Суда по уголовным делам

**Решения и разъяснения Верховного Суда по гражданским
делам**

Хозяйственный план с правовой точки зрения

Казенная пошлина

Коммунальные финансы и налоги

Поземельный налог

Налог с копей

Квартирный налог

Налог с недвижимости

Фонд Жилищного Хозяйства

Борьба с неграмотностью

BIBLIOTEKA
UNIwersytecka
Gdańsk

№ 112

0 14 35

1950r.

Цена 200 зл.